

Александр Харников

БАЛТИЙСКАЯ РАПСОДИЯ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Annotation

В августе 1854 года объединенный англо-французский флот вторгся на Балтику и напал на недостроенную русскую крепость Бомарзунд на Аландских островах. Но события, описанные в этой книге, пошли совсем не так, как это было в реальной истории. На помощь гарнизону Бомарзунда пришли боевые корабли Балтийского флота Российской Федерации, попавшие из 2015 года прямым образом в XIX век. Десант союзников был разгромлен, и события, последовавшие вслед за этим, пошли совершенно другим путем.

Александр Петрович Харников

Балтийская рапсодия

Роман

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

© Александр Харников, 2017

© Максим Дынин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

4 (16) августа 1854 года.

Крепость Бомарзунд. Аландские острова

Комендант крепости генерал-майор

Яков Андреевич Бодиско

Вот и настал последний день Бомарзунда. После падения башни «С», которая защищала цитадель с тыла от высаженного на берег вражеского десанта, крепость уже было не спасти. Теперь французы и англичане установят осадные батареи, и крупнокалиберные пушки расстреляют недостроенные укрепления, словно мишени. Ведь крепостные орудия просто не добивали до лагеря союзников.

Мне предстояло принять самое страшное в моей жизни решение – отправить парламентариев к французскому генералу Бараге д’Илье, чтобы согласовать с ним условия капитуляции. Я знал: несмотря на то что государь допускал такую возможность и даже передал через ротмистра Шеншина разрешение на почетную сдачу крепости в случае невозможности ее удержания, мне этого никогда не простят. «Русские умеют брать крепости, а вот сдавать их они так и не научились», – сказал мне один из офицеров. И я был вынужден промолчать на эти дерзкие слова.

Конечно, можно было держаться до последнего солдата, погибнуть всем, не спустив флаг и не сложив оружие. Но эти проклятые французы все равно – займут Бомарзунд и, раздраженные нашим – отчаянным – сопротивлением и огромными потерями, перебьют всех – оставшихся в живых защитников крепости и членов их семей. Я прекрасно знал, что генерал Бараге д’Илье во время службы в Алжире зверски расправлялся с непокорными местными жителями, сжигая их дома и истребляя их поголовно, не разбирая пола и возраста.

Выхода не было. Численное превосходство врага как на суше, так и на море не оставляло нам никаких надежд на успешный исход кампании. Вопрос заключался лишь в том, с чего начнет генерал Бараге д’Илье. Направит он сегодня основной удар против цитадели, или захочет сперва захватить башню «Z» на острове Престе, которую защищал поручик Шателен и полторы сотни солдат и финских «охотников».

Для нападения на башню французы и англичане наверняка направят свои корабли в Лимпартское озеро, чтобы взять цитадель и башню «Z» под перекрестный огонь. Надо понаблюдать за тем, войдут ли вражеские корабли в озеро или нет, чтобы точно понять, каковы сегодня намерения у союзников.

Я взял протянутую мне адъютантом подзорную трубу и посмотрел на стоящие у берега корабли вражеской эскадры. Мне хорошо было видно, как на них дымят трубы, а команды выбирают якоря. По моим соображениям, в пролив намеревались отправиться пять паровых кораблей, из которых два были большими, стопушечными.

Вздохнув, я сложил подзорную трубу и передал ее адъютанту. Значит, под обстрелом сегодня окажутся храбрые воины поручика Шателена. По докладам командира башни «Z» я знал, что та почти ежедневно подвергается сильному обстрелу с кораблей вражеской эскадры и сильно повреждена. У ее защитников заканчиваются порох и ядра. Впрочем, они скоро и не понадобятся – почти все орудия башни подбиты.

Первым в пролив вошел небольшой колесный пароход. Он двигался осторожно, тихим

ходом, словно опасался чего-то. Я усмехнулся – к сожалению, ничего противопоставить вражеским кораблям мы не могли. В последний свой визит ротмистр Шеншин рассказывал, что подступы к Кронштадту помимо мощных батарей прикрыты большим количеством мин – страшным изобретением господина Якоби. По словам ротмистра, если вражеский корабль коснется бортом одной такой мины, то произойдет взрыв, который уничтожит корабль. Подобными адскими устройствами были защищены подходы к Свеаборгу и Ревелю.

А вот у нас ничего этого не было. Я представил на мгновение, что мы установили несколько подобных мин в проливе, и что нагло идущие по нему вражеские суда начнут взрываться одно за другим. И тут произошло нечто, что меня несказанно удивило.

Шедший последним большой британский стопушечный корабль неожиданно задержался, словно потерял управление, а потом со страшным грохотом взлетел на воздух. Вслед за ним на другом британском корабле тоже прогремели взрывы, и он вспыхнул, словно факел.

Я не мог понять, отчего английские корабли вдруг стали взрываться. Может быть, кто-то (кто?!) установил в проливе эти самые мины, о которых я только что думал? Мой адъютант, наблюдавший за всем происходящим, с недоумением смотрел на меня.

– Ваше превосходительство, – растерянно бормотал он, – это просто невероятно...

Со стороны пролива до нас донеслись звуки стрельбы. Казалось, что огонь ведет батальон, а то и целый полк – так часто гремели выстрелы. Из всего происходящего можно было сделать лишь один вывод – кто-то в проливе воевал с союзниками, причем делал он это весьма успешно.

Я настолько увлекся происходящим, что совершенно перестал обращать внимание на другие корабли – союзников, стоявшие на рейде. Потому и не заметил, как взлетел на воздух стопушечный корабль французов «Аустерлиц». Обернувшись на звук сильного взрыва, я увидел лишь поднявшийся вверх столб густого красно-черного дыма. Когда же дым рассеялся, на том месте, где стоял французский корабль, плавали только обломки. Потом один за другим взорвались еще три английских и французских корабля.

На уцелевших судах союзников началась паника. Матросы и офицеры беспорядочно метались по палубам, а некоторые бросались за борт иплыли в сторону берега.

В этот самый момент адъютант неожиданно дернул меня за рукав, забыв про субординацию:

– Ваше превосходительство, посмотрите – что это такое?

Я удивленно взглянул на адъютанта. А тот, так и не придя в себя от изумления, показывал рукой на море.

Там, за цепью уцелевших фрегатов и корветов блокирующей Бомарзунд англо-французской эскадры, на горизонте появились неведь откуда взявшиеся удивительные корабли. Они были без парусов, и без труб... Во всяком случае, черных столбов угольного дыма, которые являются непременным атрибутом идущих полным ходом паровых кораблей, я не заметил. Но неизвестные корабли приближались к Бомарзунду, причем двигались они необыкновенно быстро.

– Боже милостивый, – воскликнул я, – что это?!

– Это наше спасение, ваше превосходительство, – ответил мне адъютант. – Это чудо, которое сотворил Господь, послав нам на помощь свое воинство.

Часть 1

«В крае Севера убогом...»

Я подошел к аппаратуре и отправил запрос сам. Удивительно, но результат оказался таким же.

Гм, что бы это могло значить? Я почесал затылок, после чего связался с «Королевым». Ответ с БДК огорошил меня:

– Знаешь, а у нас такая же фигня. Постой, я сейчас попробую связаться с остальными...

Пока я ковырялся в аппаратуре в поисках возможной неисправности, раздался вызов с «Королева»:

– Представляешь, оказывается, на всех остальных кораблях то же самое происходит. Похоже, какой-то сбой пошел. Может, что-то случилось с ГЛОНАССом?

– Ага, марсиане взяли в космосе на абордаж все наши спутники и вырубili ГЛОНАСС, – ответил я. – Только вот непонятно, почему то же самое случилось и с GPS. Выходит, марсиане глушат все подряд.

Делать нечего – я доложил о случившемся на мостик командиру, после чего начал усиленно сканировать эфир. На других частотах было тихо, даже помехи отсутствовали. Мертвая тишина царила и на частоте, зарезервированной для экстренных сообщений.

А вот на нашей частоте вдруг неожиданно объявился танкер «Лена».

– У вас что, тоже GPS с ГЛОНАССом не работают? – поинтересовался я у радиста «Лены».

– Да, а что, и у вас? Интересно... А где вы сейчас находитесь?

– К юго-западу от острова Руссаре, примерно двадцать миль. А вы?

– Примерно в пятнадцати милях к западу от Руссаре.

Я сообщил о «Лене» сначала на мостик, а потом и на «Королев», после чего опять занялся увлекательной работой – сканированием эфира. Но тот оставался по-прежнему девственно чист – не удалось обнаружить ни одной работающей радиостанции. Хотя обычно в этих местах на всех частотах их сотни – питерские, Выборгские, ивангородские, эстонские, финские, шведские...

В радиорубку вошел командир «Смольного» капитан 1-го ранга Степаненко.

– Товарищ капитан 1-го ранга, – официально доложил я ему, – у нас тут ЧП произошло. Словом, я ничего не могу понять...

– Сам вижу, – криво усмехнулся Степаненко. – Вы все же попробуйте разобраться, что за чертовщина происходит. Ну, не может такого быть, чтобы все радиостанции в мире одновременно прекратили работу.

– Товарищ капитан 1-го ранга, Олег Дмитриевич, – я не знал, что ему и ответить, – ни GPS, ни ГЛОНАСС не работают, ни у нас, ни на «Королеве», ни на других кораблях эскадры, ни на танкере «Лена», которые находятся неподалеку от острова Руссаре. В эфире словно шаром покати – тишина, как в сурдокамере. Я даже не могу предположить, что могло случиться.

Степаненко пожал плечами:

– Это я уже понял. Скажу больше – спутниковые телефоны тоже почему-то не работают. Да и погода вдруг изменилась – стало намного прохладнее, откуда-то появились облака,

которых раньше не было видно даже на горизонте. Так что давай, товарищ старший лейтенант, продолжай сканировать все каналы. Авось что-нибудь да и прояснится. И не теряй связь с «Королевым» и с «Леной» – в такой ситуации нам надо держаться вместе.

– Есть поддерживать связь, – ответил я.

Степаненко кивнул и вышел из радиорубки.

14 (2) августа 1854 года, 11:25.

Учебный корабль «Смольный».

К юго-западу от острова Руссаре

Капитан 1-го ранга Олег Дмитриевич Степаненко

Еще двадцать минут назад на мостике было жарко, словно на пляже в Сочи. А теперь вдруг невесть откуда на небе появились облака, и подул холодный северо-западный ветер. Ко всему прочему пропал сигнал ГЛОНАСС, и в эфире наступила мертвая тишина. Это было странно и весьма тревожно.

А ведь до сего момента все шло просто замечательно. Мы возвращались в Кронштадт после похода – вокруг Скандинавии с курсантами военно-морских учебных заведений. Этот «круиз», как я его называл, стал своего рода разминкой перед дальним походом, о котором меня уже предупредили в штабе ВМФ. В сентябре наш «Смольный» должен отправиться к берегам Анголы.

Пока же мы не спеша обогнули Скандинавский полуостров, зайдя с визитами вежливости в Осло, Гётеборг, Стокгольм и Копенгаген. Там наши курсанты познакомились с потомками суровых викингов и осмотрели местные достопримечательности. Погода стояла отличная, поломок не было, и аварийных ситуаций не возникало. У нас оставалась только одна остановка перед возвращением домой – заход в Хельсинки.

Но вчера мы получили радиограмму, в которой говорилось, что на траверзе полуострова Ханко нам необходимо встретиться с БДК «Королев», на который со «Смольного» перейдут тележурналисты каналов «Звезда» и «Russia Today», сопровождавшие нас в нашем круизе. Им предстояла новая командировка, только куда именно, не сообщили.

Впрочем, меня это и не касалось. Я уже мечтал о доме и предвкушал, как через день-два наконец-то пообедаю в семейном кругу: у меня отношения с супругой – даром что мы уже столько лет в браке – близки к идеальным. Потом немного отдохну, и – здравствуй, Ангола. И тут вдруг такое...

Неожиданно где-то далеко на западе мы услышали канонаду. Только вот звук артиллерийских выстрелов сильно отличался от голосов всех известных мне корабельных орудий. Я позвонил в радиорубку и сказал радисту, чтобы он связался с «Королевым» и сообщил ему, что «Смольный» срочно идет на запад.

После этого я скомандовал привести корабль в полную боевую готовность. По личному опыту мне было известно, что в подобных случаях лучше лишний раз перестраховаться. В мире творится черт-те что, и даже здесь, в тихом омуте Европы, могут вынырнуть какие-нибудь зловредные черти. К тому же сегодняшние неполадки со связью не выходили у меня из головы. Ох, не к добру все это, ох, не к добру...

«Смольный» по моей команде полным ходом шел на вест-норд-вест – туда, откуда доносился гром выстрелов.

Вскоре мне доложили, что на экране радара видны две цели. Первая была похожа на

корабль, судя по всему лежавший в дрейфе, а другая отметка рядом с ним была совсем маленькой. Она медленно двигалась в сторону финского берега.

Подойдя поближе, я увидел в бинокль зрелище, весьма меня удивившее. Первый корабль выглядел, как музейный экспонат или оживший рисунок из учебника по морской истории – в главе, рассказывающей о паровых кораблях середины XIX века. Это был колесный парусник с двумя высокими трубами, из которых валил густой черный дым. Корабль стоял неподвижно. Спущенный с него баркас, набитый моряками, преследовал небольшую парусную лодку, экипаж которой, как мне показалось, прилагал все силы, чтобы уйти от погони.

– Что на свете творится-то, – сказал мой старший помощник, капитан 3-го ранга Рудаков, который, оказывается, тоже слышал стрельбу и поднялся на мостик со своим биноклем. – Реконструкторы разошлись – реальную войнушку затеяли. Вон, посмотри – настоящими ядрами друг в друга палят!

– Геннадий Викторович, – спросил я у него, – а почему ты думаешь, что это реконструкторы? И почему ты считаешь, что они стреляют не холостыми, а боевыми зарядами?

– А кто это может быть еще, кроме реконструкторов? – удивился старпом. – Вон, посмотри, на палубе этого плавающего антиквариата все наряжены в британскую военно-морскую форму середины XIX века. А насчет стрельбы ядрами... Ты что, не видишь, что возле лайбы, за которой гонятся эти псевдобританцы, появляются самые натуральные всплески от падения ядер? То есть стреляют, что называется, без дураков.

Я не стал спорить с Рудаковым, зная его любовь к военной истории вообще и истории военно-морского флота в частности. К тому же с парохода грянул очередной выстрел, и метрах в десяти от лодки, которую старпом назвал лайбой, поднялся белый водяной столб.

К тому времени «Смольный» подошел уже довольно близко к кораблю реконструкторов-экстремалов. Мы попытались связаться с ним по рации, но ответа так и не дождались. Точнее, ответ мы получили, но он оказался весьма своеобразным.

На корме колесного парохода, на флагштоке которого мы с удивлением увидели британский военно-морской флаг, выплеснулось облачко белого дыма и прогремел выстрел. Менее чем в кабельтове от нас в воду плюхнулось ядро. Да, на историческую реконструкцию все это было совсем не похоже. Только мы же с ними не договаривались о том, что тоже примем участие в подобной рискованной для жизни реконструкции! Если это шутка, то дурацкая.

– Боевая тревога! – скомандовал я. – Корабль привести к бою!

И, грозно взглянув на курсантов, толпившихся на палубе и с интересом вззирающих на это историческое военно-морское шоу, приказал:

– Всем посторонним покинуть верхнюю палубу. Находиться во внутренних помещениях и не высовываться наружу.

Я словно предчувствовал, что что-то должно произойти. И оказался прав. Очередной выстрел с колесного парохода – и ядро, промчавшееся над палубой, снесло леерную стойку, после чего плюхнулось в море.

Вскоре мне доложили – БЧ-2 к бою готово.

– Огонь! – скомандовал я.

Носовая артиллерийская установка АК-726 выпустила несколько снарядов по не в меру драчливому британскому пароходу. Один из них угодил, по всей видимости, в артпогреб.

Громыхнул взрыв. В воздух взлетели мачты и трубы англичанина, а сам корабль, разломившись на две части, быстро пошел ко дну.

– Спустить на воду катер, – приказал я. – Геннадий Викторович, возьми человек пять вооруженных матросов из палубной команды и осмотри место гибели этих «реконструкторов». Может быть, кто-то из них спасся. Да, кстати, там где-то должен быть и баркас с потопленного парохода. Отбуксируй его к «Смольному». И смотри – эти придурки могут быть вооружены. Так что соблюдай осторожность и прикажи личному составу надеть, на всякий случай, бронежилеты и – каски.

– Не беспокойся, Олег Дмитриевич, – кивнул мне Рудаков. – Я возьму с собой мичмана Воронина. Он уже имеет опыт общения с такими вот искателями приключений. Два года назад мичман воевал с сомалийскими «джентльменами удачи», а ты знаешь, что это за народ.

– Ну, тогда вперед. Удачи тебе! – сказал я.

На воду был спущен моторный катер. В него забрались моряки, экипированные по полной боевой. Рыча двигателем, катер рванул к тому месту, где совсем недавно был колесный пароход.

Покрутившись немного на месте потопления британца и, видимо, так никого и не обнаружив, он помчался в сторону баркаса, который после гибели своего корабля прекратил погоню за парусной лодкой. Похоже, что моряки на нем находились в полном ступоре, ошеломленные страшной картиной гибели своих товарищей. И потому сопротивления нашим ребятам никто из них не оказал.

Я наблюдал за происходящим в бинокль. Взяв на буксир баркас, катер направился к «Смольному». Я видел, как Рудаков о чем-то оживленно беседовал с одним из сидящих в катере, судя по форме, офицером. Похоже, разговор взволновал обоих собеседников и сопровождался бурными эмоциями. Старпом несколько раз вскакивал с банки и начинал махать руками, словно в сильном удивлении.

Через несколько минут катер подошел к спущенному трапу. На борт «Смольного» под конвоем наших моряков поднялась дюжина британцев. Почему британцев? Потому что я сразу же понял, откуда они. Эти хмурые люди в морской форме не были похожи ни на ряженых финнов, ни на шведов.

Оставив их на палубе под бдительным оком мичмана Воронина, Рудаков чуть ли не бегом направился ко мне на мостик.

– Олег Дмитриевич, – взволнованно произнес он, – тут такое, такое...

Геннадий Викторович, похоже, не находил слов. Потом он махнул рукой и жестом подозвал одного из пленных. Это был высокий молодой парень в синем одностороннем кителе и синих узких брюках. На голове у него чуть набекрень была надета треуголка с пышным плюмажем. Он подошел ко мне и вежливо представился по-английски:

– Джосайя Джонсон, сэр, лейтенант корабля ее величества «Валорос».

– Скажите, лейтенант, какого черта вы тут делаете, и почему вы напали на российский военный корабль в нейтральных водах? – спросил я.

– Российская империя и Британия находятся в состоянии войны, сэр, – доложил мне англичанин. – Мы были посланы от Бомарзунда сэром Чарльзом Непиром для того, чтобы присоединиться к эскадре адмирала Пломриджа, находящейся в районе острова Мякилуото, и передать донесение о ходе боевых действий у побережья Аландских островов.

– Какой еще сэр Непир?! Какой адмирал Пломридж? Какое состояние войны! – моему

удивлению не было предела. – Какой еще, черт побери, Бомарзунд?!

И тут я вдруг вспомнил про оборону Бомарзунда в 1854 году. Помнится, как-то раз старпом читал доклад о событиях Крымской войны на Балтике и рассказывал о том, как летом 1854 года англо-французская эскадра захватила недостроенную русскую крепость Бомарзунд на Аландах. А потом меня неожиданно осенило.

– Лейтенант, а какое сегодня число?

– Четырнадцатое августа, сэр, – удивленно произнес он.

Да, действительно, сегодня было четырнадцатое августа.

– А год какой? – не унимался я.

– Одна тысяча восемьсот пятьдесят четвертый от Рождества Христова, сэр, – спокойно ответил лейтенант.

– Так-так-так, – озадаченно произнес я. – Хорошо, лейтенант, а теперь расскажите мне поподробнее о том, что именно происходит в настоящее время у Кронштадта и у Бомарзунда...

14 августа 1854 года. Аландские острова.

Якорная стоянка у крепости Бомарзунд.

Борт яхты «Герб Мальборо»

Лорд Альфред Спенсер-Черчилль,

третий сын Джорджа, герцога Мальборо

Об этом разговоре я до сих пор вспоминаю с яростью и стыдом. А все началось с того, что флаг-офицер вице-адмирала Чарльза Непира вежливо пригласил меня прибыть на борт его флагманского линейного корабля адмирала «Герцог Веллингтонский» для – как было написано в приглашении – приватной беседы. На самом же деле эта «беседа» оказалась обычной выволочкой.

– Милорд, – неприятным скрипучим голосом обратился ко мне адмирал Непир, – к моему величайшему сожалению, ни вам, ни другим хлыщам, прибывшим в эти воды на своих яхтах, я не могу приказать немедленно покинуть район боевых действий. Но вашу безопасность я гарантировать точно так же не могу. И если шальное русское ядро попадет в борт вашей яхты, то виноваты в этом будете только вы – а я умываю руки.

– И это все, что вы хотели мне сказать? – усмехнулся я, с трудом сдерживая ярость. – В таком случае я приму ваши слова к сведению, а засим позвольте мне откланяться.

Едва сдержавшись, чтобы не хлопнуть дверью адмиральского салона, я вышел на палубу линейного корабля. Спустившись по трапу, я сел в ожидавшую меня шлюпку и отправился на яхту.

Эта история началась месяц назад, когда я изнемогал от скуки в родительском доме в Бленхейме во время летних парламентских каникул.

Отец зачем-то устроил так, что партия тори выдвинула мою кандидатуру на парламентских выборах.

Ко мне приехал мой товарищ по Итону и Оксфорду, Алджернон Худ, и сказал:

– Алфи, ко мне скоро прибудет дальний родственник из североамериканских колоний, – ни он, ни я принципиально никогда не называли их какими-то там «Североамериканскими Соединенными Штатами». – Мне хотелось бы ему показать нечто этакое. У тебя вроде есть яхта?

– Ну, скажем так, не у меня, а у моих родителей, – усмехнулся я. – Но никто, кроме меня, ею в последнее время не пользуется.

– Так вот, не хотел бы ты сходить на Балтику? Мне тут родственник в Адмиралтействе шепнул, что там вскоре намечаются боевые действия у какой-то русской крепости. Не помню, как она называется – какое-то типично русское непронизносимое название. Вроде Бамар чего-то там... Или Бумар?

– А кто с нами еще отправится в плавание? – поинтересовался я.

– Ну, ты, я, Джимми – мой родственник, сестра его Мейбел, моя сестра Виктория... Может, ты поговоришь с твоей кузиной Дианой?

Я догадывался, что Алджи без ума от моей кузины. Мне же нравилась его сестра Виктория, и я знал, что Алджи позаботился о ее присутствии на яхте. Усмехнувшись, я кивнул:

– Конечно, старина, я поговорю с ней. Делать-то все равно нечего, и я думаю, что она согласится.

Три недели назад мы вышли из Брайтона на борту белоснежной красавицы «Герб Мальборо» – я, Алджи, Джимми, Мейбел, Виктория и Диана, а также матросы, лакеи, служанки дам и повар. Путешествие было приятным: мы показали нашему гостю Кан, откуда почти восемьсот лет назад Вильгельм Завоеватель пересек Ла-Манш и захватил Англию, бельгийский Остенде, съездили в Брюгге, голландский Амстердам, датские Орхус и Копенгаген.

Меня очень удивило, что в Копенгагене население весьма настороженно относилось к англичанам. Зато узнав, что Джимми и Мейбел – американцы, их привечали подчеркнуто дружелюбнее. Затем мы посетили чопорный Стокгольм, откуда совсем недавно британская эскадра адмирала Непира отправилась к берегам России. А вот, наконец, Аланды, и этот малоинтересный островок Бомарзунд (вот так, оказывается, он произносится).

А потом эта злосчастная встреча с адмиралом Непиром! Этот чертов старикашка, он совсем вывел меня из себя... Отец немного знал его, да и я видел как-то раз в палате общин. Поэтому я рассчитывал на более теплый прием. Но такого унижения я всяко не ожидал!

– Ничего, – сказал я сам себе, – вот вернусь в Англию, и ты у меня попляшешь, адмиралишка. Все-таки ты сделал выговор не разряженному хлыщу, а члену парламента ее королевского величества и сыну самого герцога Мальборо!

Я приказал поставить яхту на якорь чуть в стороне от линии боевых кораблей, так чтобы ход сражения нам был виден, словно театральная сцена из ложи в Ковент-Гарден.

И вот долгожданное военно-морское шоу началось. Наши могучие корабли ежедневно обстреливали русские укрепления, круша их своими огромными ядрами. Правда, я успел заметить, что стреляли они довольно скверно. Дело в том, что, как рассказал один мой знакомый лейтенант с «Геклы», большая часть экипажей состояла из неопытных и необученных новичков и из пожилых людей, насильно набранных в портовых кабаках и спешно призванных на военную службу.

А русские стреляли очень даже неплохо. Но все же было видно, что их крепость вот-вот падет. Потом, когда уже было подавлено большинство огневых точек оборонявшихся, началась высадка «лягушатников» вместе с их артиллерией.

Весь ход боевых действий был хорошо виден из салона яхты. Алджи и я аплодировали каждый раз, когда наши пушки пробивали очередную брешь в стенах близлежащей русской башни, которая, к счастью для нашего флота, была недостроена. Диана и Викки, забыв про

кодекс поведения английской дамы, тоже прыгали от восторга. Вот только Мейбел – нужно сказать, самая красивая девушка на всей этой яхте – вдруг спросила меня:

– А зачем это вам?

Я очень удивился ее вопросу и ответил:

– Чтобы показать этим азиатам их место. Ведь они набрались наглости и считают себя европейцами!

Но тут Джимми неожиданно сказал:

– А мне казалось, что именно эти азиаты, как вы их назвали, и спасли вас тогда, когда Наполеону покорилась вся Европа.

– Нет, это не так. В битве при Ватерлоо русские точно не участвовали, – замахал руками Алджи.

– Интересно, – ехидно произнес Джимми, – а мне почему-то казалось, что еще до битвы при Ватерлоо именно они побили Наполеона в России. Да и потом именно они были главной военной силой, например, в сражении при Лейпциге. Да и Париж взяли именно они.

Я посмотрел на него с усмешкой:

– И в какой книге ты это все вычитал?

– Знаешь, у нас были отличные профессора – в колледже Нью-Джерси.

– Какой Нью-Джерси? Ты же говорил, что ты из штата Джорджия, а он на юге?

– Да, но многие южане учатся в колледже Нью-Джерси. И отец меня послал именно туда.

Я хотел было сказать какую-нибудь колкость, но вдруг вспомнил – Джимми знал английскую историю намного лучше меня. То же можно было сказать и о древней истории, и о средневековой... Но здесь он, конечно, ошибался – каждый англичанин знал, что русские практически ничего не сделали в ходе Наполеоновских войн и победил лягушатников генерал Мороз, а не русские.

Но только я хотел ему это все выложить, как вдруг послышался чудесный голосок Мейбел:

– Алфи, вы же сказали, что мы приглашены на ужин к лорду Стейплтону на яхту. А потому давайте прекратим дискуссию, тем более что нам, дамам, нужно переодеться.

Я поклонился очаровательной девице и сказал:

– Ваше пожелание, Мейбел, для меня приказ. Тем более что выстрелы стихли и смотреть сегодня больше нечего!

14 (2) августа 1854 года.

Финский залив у острова Руссаре

Ротмистр Николай Васильевич Шеншин

Два дня назад я предстал пред светлы очи генерала Якова Андреевича Бодиско и попросил его позволения покинуть крепость и вернуться в Петербург, чтобы лично доложить государю о происходящем в Бомарзунде.

– Что же это вы, голубчик? – немного растерянно и совсем не по уставу сказал генерал. – Да эти проклятые англичане и французы даже мыши не пропустят, а уж тем паче корабль. И если вы будете пытаться прорваться через их блокаду, то, скорее всего, попадете в плен – это если вам повезет и они не подстрелят вас, как куропатку.

– Ваше превосходительство, – я решил непременно добиться согласия от коменданта

крепости, – мне уже дважды удавалось прорываться через неприятельскую блокаду. К тому же у меня есть план. В это раз я попробую добраться до Або, а уже оттуда попасть в Гельсингфорс, и далее – в Петербург. Как мне удалось узнать от местных рыбаков, англо-французский флот сейчас находится в самом узком месте Финского залива – у острова Мякилуото. Это где-то в двадцати милях от Гельсингфорса. Я попытаюсь незаметно пробраться вдоль островов к финляндскому берегу и оказаться в Або.

– Ну, как знаете, господин ротмистр, как знаете. Я не могу вам приказывать, но мне очень хотелось бы, чтобы вы не пускались в эту опаснейшую авантюру. Хотя и в Бомарзунде любого из нас на каждом шагу подстерегает опасность, – генерал досадливо махнул рукой.

– Отправляя меня сюда, государь, – возразил я, – кроме всего прочего, приказал мне сообщить ему подробно о действительном положении дел в крепости. Ваше превосходительство, я должен во что бы то ни стало выполнить приказание императора, невзирая на все опасности, которые мне могут при этом грозить.

Я предусмотрительно умолчал, что подобные авантюры мне всегда очень нравились. Кроме того, не буду скромничать, я весьма удачлив. Именно поэтому государь, по его же собственным словам, решил послать в Бомарзунд именно меня. Но удача – вопрос не везения, а продуманного решения в каждой сложной ситуации. И план прорыва вражеской блокады у меня уже был готов.

– Ваше превосходительство, – попросил я, – дозвоьте мне взять с собой фельдфебеля Грода. Это именно тот человек, который поможет мне совершить задуманное.

– Ну что ж, голубчик, позволяю, – тяжело вздохнул генерал. – Желаю вам удачи. И да хранит вас Господь!

Яков Андреевич обнял и перекрестил меня. Да, подумал я, добрейшей он души человек. Вот только мыслит довольно-таки шаблонно. Будь и он чуточку склонен к авантюрам, то кто знает: может, и не стояли бы сейчас неприятельские суда на рейде Бомарзунда, словно во время парада на рейде в Спитхеде.

Карла Грода мне порекомендовали знающие люди, когда я искал в крепости человека, который бы хорошо знал финский и шведский языки. Фельдфебель Финского гренадерского стрелкового батальона Карл Грод внешне был типичным финским шведом, без какого-либо намека на аристократическое происхождение. Светлые волосы, средний рост, могучее телосложение. И родом он был из рыбацкой семьи – а это значит, что Карл умеет управлять парусной лодкой. А вот это было для меня немаловажно. Кроме того, он в юности рыбачил с отцом в местных шхерах и знал их как свои пять пальцев.

Грод по моей просьбе купил лодку у кого-то из местных рыбаков. Он же и принес для меня и для себя поношенную шведскую одежду. Я сбрил усы и переоделся, после чего мы заночевали в лодке. А лишь только небо начало светлеть, мы направились на северо-восток вдоль Аландов – туда, где они переходят в шхеры у Або. Через эти шхеры мы и прошли, никем не замеченные. В тамошние воды ни один английский корабль без хорошего лоцмана не рискнет заплывать – не зная фарватера, он моментально пропорет себе днище на острых камнях.

Добравшись до Або, я, посоветовавшись с Карлом, решил не высаживаться в порту, а попробовать дойти до Гангута. Далее можно было рискнуть и за ночь попытаться добраться до Ревеля. А уже оттуда шла прямая дорога до Петербурга.

Единственно, чего я опасался – у Або нам придется выйти в открытое море, тамошние воды Карл знал плохо. Впрочем, мы все равно по пути держались у кромки шхер, чтобы при

первой же опасности нырнуть туда и уйти по мелководью. Но неподалеку от Гангута мы решили все же срезать путь и направились от острова Сёдербад напрямик к острову Моргонланд. Нам надо было пройти по открытому морю всего-то около трех миль, но ветер был северным, порывистым, и шли мы это расстояние большей частью на веслах.

И надо же такому случиться: откуда-то черти принесли английский паровой фрегат «Валорос», который я уже имел удовольствие лицезреть во время боевых действий у Бомарзунда. Силуэт я узнал сразу. Похоже, удача, которой я так опрометчиво успел похвастаться перед генералом Бодиско, на этот раз от нас отвернулась.

Мы попытались было уйти к Моргонланду, понадеявшись на то, что англичанину не будет дела до каких-то там финских рыбаков. Но «Валорос» сделал предупредительный выстрел, и ядро шлепнулось в воду в половине кабельтовых впереди нашей лайбы. Мы, естественно, пустились наутек – желания угодить в лапы британцев ни у меня, ни у Карла не было. До неприятеля было около полумили, до острова – чуть побольше.

Фрегат «Валорос» подошел к нам примерно на тысячу двести футов. Похоже, что его командир помнил о том, что в этой части Балтики немало опасных подводных банок, и не рискнул зайти в незнакомые воды. Но с него спустили баркас, который направился в нашу сторону. Мы с Карлом не знали, чем все это может закончиться – обычным досмотром или арестом нашей лайбы. Возможно, что англичанам просто захотелось полакомиться свежей рыбкой, которую мы предусмотрительно купили у финских рыбаков, встретившихся неподалеку от Або.

Карл Грод был одет в более приличную одежду, чем я, и мог сойти за владельца лайбы. Поэтому мы решили, что если они нас все же догонят, переговоры с британцами вести будет он. Я допускал, что даже если кто-нибудь из англичан знает финский или шведский язык – а у них во флоте кто только ни служит, – вероятность того, что нас удастся разоблачить, будет очень мала.

Английский баркас прошел уже две трети пути, фрегат же, стоя на месте, продолжал время от времени стрелять из пушки в нашу сторону. И в этот самый момент из-за острова Моргонланда показался необычный корабль – таких я еще никогда в жизни не видел. У него не было ни парусов, ни высоких дымовых труб. Но двигался он быстро – скорость неизвестного корабля была не менее двадцати узлов. Он был окрашен в необычный синесерый цвет. Причем – я мог поклясться в этом – корабль был сделан не из дерева, а из металла.

«Неужто у англичан появились железные корабли?» – с горечью подумал я. Ведь именно у них, как я слышал, строились самые лучшие военные корабли в мире.

Баркас неожиданно сбавил ход – похоже, что сидевшим в нем англичанам что-то очень не понравилось. Я присмотрелся к кораблю. Биноклем я пользоваться, понятно, не стал – откуда у бедных финских рыбаков может быть такой дорогой прибор? Но зрение у меня было острым, и я увидел, что гюйс у неизвестного корабля красный, похожий на гюйс кораблей Российского императорского флота, а кормовой флаг – белый. Синего креста на нем видно не было, но с такого расстояния я и не ожидал его разглядеть. Значит, корабль, по всей видимости, российский. На борту его белой краской были нарисованы три большие цифры: «210».

Неизвестный русский корабль стал приближаться к «Валоросу». Когда расстояние между ними оказалось около полутора тысяч футов, британский фрегат открыл огонь из кормовой пушки. Ядро плюхнулось в воду менее чем в сотне футов от незнакомца.

«Валорос» успел сделать всего несколько выстрелов. Потом железный корабль ответил наглому британцу из орудий, которые, оказывается, стояли у него на носу, полностью закрытые со всех сторон железными листами. Выстрелы противника «Валороса» оказались не в пример более меткими. Фрегат неожиданно взорвался, превратившись в столб пламени и дыма – видимо, ядро или бомба угодили прямо в пороховой погреб.

К счастью, мы находились достаточно далеко, и обломки британского военного корабля до нас не долетели. Победители спустили большой железный баркас, который удивительным образом, без каких-либо усилий гребцов, быстро направился к месту гибели «Валороса». Он покружился там, а потом, рассекая волны, помчался в сторону английского баркаса. Железный самодвижущийся баркас подошел вплотную к английскому. Сидевшие в нем британцы и не думали сопротивляться. Взяв их буксир, неизвестные так же быстро отправились назад. Нами не заинтересовались – действительно, кому нужны мирные финские рыбаки?

Я вскочил на ноги и стал размахивать над головой курткой, стараясь привлечь внимание тех, кто находился на корабле-победителе. Так продолжалось в течение десяти-пятнадцати минут. Похоже, что там наконец заметили меня.

Стальной баркас снова отошел от его трапа и направился к нам. Когда он оказался от нашей лайбы на расстоянии нескольких десятков футов, я сумел как следует разглядеть его и матросов, которые в нем находились.

Первое, что мне бросилось в глаза – баркас этот двигался сам собой, без помощи весел. Я присмотрелся к форме матросов – на нашу морскую форму она была похожа мало. Все они были одеты в странные ярко-оранжевые жилеты, а в руках у некоторых я увидел неизвестное оружие, весьма удивительное по внешнему виду.

«Да, – подумал я, – а может, это и совсем не русские? И попытавшись привлечь их внимание к себе, я, похоже, немного погорячился».

– Нувää räivää, – крикнул мне один из моряков, видимо, старший из них. Сказанное им означало «добрый день» по-фински – это даже я уже успел выучить.

– Добрый день, – ответил я по-русски, – позвольте представиться – ротмистр Шеншин. Направляюсь со срочным донесением в Петербург. А со мной фельдфебель Карл Грод.

Офицер козырнул мне и ответил:

– Мичман Воронин, Российский флот, учебный корабль «Смольный». Здравия желаю, господин ротмистр. Не желаете ли проследовать на борт нашего корабля?

14 августа 1854 года.

Санкт-Петербург. Зимний дворец

Император Николай I

День закончился, но вместе с ним не закончились дела, которые я сегодня должен был сделать. Надо было работать, но сил у меня с каждым днем становилось все меньше и меньше. Война... Эта проклятая война, которая началась для меня так неожиданно. Сказать по чести, я никак не ожидал, что британцы и французы, несмотря на свою вековую вражду, объединятся, чтобы бросить вызов России.

Я вспомнил, как граф Нессельроде, словно сирена, усыплял меня успокоительными донесениями послов из Лондона, Парижа и Вены. Все это оказалось ложью. Меня обвели вокруг пальца, словно мальчишку. – Оказалось, что ненависть Европы к России сильнее

многовековой неприязни Франции и Британии.

Это все проклятый лорд Стредфорд-Каннинг, которого я еще в 1834 году отказался принять в качестве британского посланника в Петербурге. Я знал о его антироссийских интригах в Константинополе и Греции. А потому не желал видеть Каннинга в России.

Но Каннинга отправили послом в Турцию, где он неожиданно быстро набрал силу и стал там фактическим руководителем всей внешней политики Османской империи. Недаром сам султан и его приближенные называли Каннинга «Великий Элчи» – Великий посол. Мне рассказывали, что когда Каннинг появлялся во дворце султана Абдул-Меджида, турецких чиновников охватывал панический ужас. И даже сам великий визирь спешил встретить Великого Элчи у входа в свои покои и выполнить все его указания.

Про этого выскочку Наполеона III я и говорить не хочу. Он просто испытывает маниакальное желание унижить Россию, чтобы взять реванш за поражение своего дядюшки. С ним было все ясно.

Но что случилось с Австрией и Пруссией? Я не забуду, как лебезил передо мной этот молокосос Франц-Иосиф, которого пять лет назад я спас во время Венгерского мятежа, и его слова, с которыми он обращался ко мне в своем послании: «С раннего детства я привык видеть в вашем величестве твердого защитника монархической идеи правления, а также искреннейшего и надежнейшего друга нашей семьи... Я рассчитываю на поддержку могучей руки вашего величества».

Мой «отец-командир» – фельдмаршал Иван Федорович Паскевич – со смехом рассказывал, как в Варшаве перед ним на коленях стоял австрийский фельдмаршал Кабога и со слезами на глазах умолял его прийти на помощь гибнущей империи Габсбургов. Пришли и спасли... Только вот зачем?

Что же я получил вместо ожидаемой поддержки и благодарности? Да ничего! Австрия фактически присоединилась к англо-французской коалиции. Когда решался вопрос войны и мира, министр иностранных дел Австрии граф Буоль вызвал нашего посла в Вене барона Мейендорфа, кстати, родственника Буоля – барон был женат на сестре графа – и сообщил ему, что «австрийская политика полностью совпадает с британской».

Какое коварство! Недаром барон Мейендорф потом сказал: «Мой шурин Буоль – величайший политический собачий отброс, который когда-либо я встречал и который вообще существует на свете». По-немецки это прозвучало еще энергичней.

Ну, а я перевернул висевший в Зимнем дворце портрет императора Франца-Иосифа лицом к стене, написав на его тыльной части: «Du Undankbarer» («Неблагодарный»).

Даже Пруссия – страна, которую я искренне любил, и которая была родиной моей супруги, колеблется, так еще и не решив – остаться ли ей нейтральной, или присоединиться к неблагодарной Австрии и выступить на стороне наглых британцев и воинственных французов.

Флот союзников вошел в Черное и Балтийское моря. И если на Черном море корабли англичан и французов стояли в Варне, так и не решаясь высадится в Крыму, то на Балтике союзники действовали более решительно. Они обстреляли несколько небольших финских городков и бомбардировали нашу недостроенную крепость Бомарзунд на Аландских островах. Гарнизон крепости не спасовал и дал достойный отпор вражеским кораблям.

Посланный мною в Бомарзунд ротмистр Шеншин сумел пробраться сквозь англо-британскую блокаду и доставил осажденному гарнизону награды – мое высочайшее благоволение, ордена и повышения в чинах господам офицерам, а нижним чинам по

серебряному рублю за исправную службу. Но ротмистр, вернувшись с Аландов, честно рассказал мне, что гарнизон крепости мал, укрепления на острове еще не достроены, и Бомарзунд вряд ли устоит под натиском хорошо вооруженного и многочисленного неприятеля.

Как военный инженер, я прекрасно понимал возможности крепости и считал, что она не выдержит более десяти дней настоящей атаки. Гарнизон, чтобы избежать полного истребления, скорее всего, вынужден будет сложить оружие, а крепость – или, скорее всего, то, что от нее останется – нам придется освободить от неприятеля зимой, когда Ботнический залив замерзнет и покроется льдом...

Я ждал с нетерпением возвращения ротмистра, чтобы узнать от него во всех подробностях, что происходило ныне в крепости Бомарзунд.

Император Николай I в отечественной истории считается неоднозначной фигурой. С одной стороны, его называют тираном и деспотом, жестоко подавившим в 1825 году восстание декабристов, а с другой стороны, еще при жизни он получил прозвище «каторжник Зимнего дворца» и «вечного работника на троне». Все зависит от того, кто и с какой позиции ведет о нем рассказ. Только следует помнить вот еще о чем. По словам русского историка и философа Георгия Петровича Федотова, «Николай I столь ненавистный – и справедливо ненавистный – русской интеллигенции, был последним популярным русским царем. О нем, как о Петре Великом, народное воображение создало множество историй, анекдотов...»

Третий сын императора Павла I при рождении практически не имел шансов оказаться на троне. У него было два старших брата, у которых могли быть наследники. Но так получилось, что у Александра I в браке родились две дочери, которые умерли в младенчестве. От его любовницы Марии Нарышкиной, с которой он прожил без малого пятнадцать лет, тоже были две дочери. Мужского потомства у него не оказалось, и таким образом, после смерти Александра I трон должен был перейти к следующему по старшинству брату, великому князю Константину Павловичу.

Но тот, женившись на польской красавице Жанетте Грудзинской, вступил в морганатический брак, что считалось нарушением закона о престолонаследии, утвержденного Павлом I. К тому же этот брак оказался бездетным. Да и сам Константин, не желая взваливать на себя бремя государственных забот, заранее отрекся от престола в пользу Николая.

При вступлении Николая на трон все вдруг вспомнили пророчество его великой бабки, императрицы Екатерины II. Он родился 6 июля 1796 года за четыре с половиной месяца до смерти Екатерины. Увидев новорожденного, она сказала: «Я стала бабушкой третьего внука, который, по необыкновенной силе своей, предназначен, кажется мне, также царствовать, хотя у него есть два старших брата». Слова императрицы оказались пророческими.

Сам Николай, впрочем, не отнесся серьезно к словам своей великой бабки и потому выбрал карьеру военного. Воспитывал Николая и его младшего брата Михаила генерал Матвей Иванович Ламздорф. При чем воспитывал строго, невзирая на их происхождение. Нашкодившие царские сыновья часто получали от своего сурового наставника не только подзатыльники. Ламздорф за малейшую провинность пускал в ход розги, линейку и даже ружейный шомпол. Надо сказать, что у юного Николая характер был далеко не сахар, поэтому ему доставалось больше, чем Михаилу.

Как бы то ни было, но Ламздорф сумел привить своим подопечным любовь к военному делу и военной форме. Привычка к выполнению ружейных приемов осталась у Николая на всю жизнь. Это было что-то вроде физзарядки. Поутру, после обязательной прогулки по набережной (причем император гулял один, без охраны), он в Зимнем дворце в течение часа проделывал ряд ружейных приемов в высоком темпе.

Возможно, именно это позволило Николаю даже к старости выглядеть браво и иметь атлетическую фигуру. Вот как описывал его внешность врач Конногвардейского полка Карелль, в 1849 году (напомним, что тогда Николаю было уже пятьдесят три года) проводивший осмотр императора: «Видев его до тех пор, как и все, только в мундире и

сюртуке, я всегда воображал себе, что эта высоко выдававшаяся грудь – дело ваты. Ничего не бывало... Я убедился, что все это самородное; нельзя себе представить форм изящнее и конструкции более Аполлоново-Геркулесовой». Кстати, природа не обидела и ростом. Его рост был 189 см. Правда, до своего предка Петра I он все равно не дотягивал – рост Петра был 203,5 см.

Перед восшествием на престол Николай был шефом лейб-гвардии Саперного батальона и командиром 2-й гвардейской пехотной дивизии.

Немудрено, что взойдя на престол, Николай ввел при царском дворе чисто военные порядки и нравы. С детства носивший военную форму, новый император считал «своими» только офицеров. На одном из частных балов, где штатских оказалось больше, чем военных, Николай, обедя взором залу, недовольно спросил у одного из сопровождавших его генералов: «Что тут так мало наших?»

Вполне естественно, что Николай носил только военную форму, тратя на «построение» немалые деньги из так называемых «гардеробных сумм». Кроме того, немалые траты императора были связаны с посещением им кадетских корпусов.

Дело в том, что Николай очень любил детей. Он часто посещал военно-учебные заведения Петербурга. Существовала особая традиция общения царя с юными кадетами, о которой рассказывает в своих воспоминаниях известный художник-маринист Алексей Петрович Боголюбов, в детстве воспитанник Александровского кадетского корпуса. Он пишет: «Не проходило двух недель, чтобы кто-то из высочайших особо не навещал корпус... Случалось, что государь входил в зал, где нас кишело до четырехсот ребят и стоял гул, как в громадном птичнике... „Здорово, детки!“ – говорил он голосом, которого уже после никогда не забудешь, и вдруг мертвая тишина воцарялась в зале. „Ко мне!“ – и опять взрыв шума, и такая мятка вокруг него, как в муравейнике. Нередко он ложился на пол. „Ну, поднимайте меня“, – и тут его облепляли, отвинчивая пуговицы на память и т. д. Всего более страдал султан шляпы, ибо все перья разбирались, как и пуговицы, и в виде памяти клеились в альбомы».

В свободное время (которого у царя практически не было) Николай посещал театр. Иногда он и сам выходил на сцену, для того чтобы сыграть незначительную роль, часто без слов. Не был чужд император и музыке. Первым из русских монархов он освоил духовые инструменты. Николай неплохо играл на флейте, валторне и корнете. Правда, публично он не выступал, а лишь иногда, на домашних концертах в Зимнем дворце, позволял себе поиграть для близких.

Двор при Николае I, по словам современников, был пышен, но больше похож на военный лагерь. В то же время именно в его правление творили такие гении русской культуры, как Пушкин, Гоголь, Тургенев, Брюллов, Клодт и многие другие. Следует помнить и то, что именно при Николае I придворные заговорили на русском языке. До этого общеупотребительным языком в Зимнем дворце был французский.

14 (2) августа 1854 года. ПСКР «Выборг».

Сорок миль к северо-востоку от острова Хиума

Командир корабля капитан 3-го ранга

Борисов Николай Михайлович

Задача, которую поставил перед нами командир бригады, была несложной. Наши соседи

– страны Балтии – решили поиграть своими паучьими мышцами и устроить большие маневры с участием всего имеющегося у них в наличии корабельного состава – двух десятков небольших сторожевиков и катеров. Из Москвы поступил приказ – понаблюдать за игрищами молодых недоразвитых демократий и своим присутствием напомнить «ма-а-а-леньким, но го-о-ордым», что Америка далеко, а мы – вот они, совсем рядом. Нам предписывалось в конфликт с убогими не вступать, к их территориальным водам не приближаться, дабы не напугать их насмерть.

Мы вышли из Высоцка и вскоре оказались в районе учений. Игрища «трех балтийских тигров» происходили у берегов Моонзундского архипелага – далеко в открытое море эти кораблики просто боялись уходить.

– Жалкое зрелище, душераздирающее зрелище, – произнес мой старший помощник, капитан-лейтенант Игорь Шаров, голосом мультяшного ослика Иа-Иа, наблюдая с мостика за всеми этими учениями-мучениями.

Действительно, техническое состояние и уровень боевой подготовки флотов республик Балтии у опытных моряков, к которым я относил экипаж нашего «Выборга», вызвали гомерический смех. Но, как говорится, чем богаты, тем и рады.

Насмотревшись вволю на военно-морскую комедию, мы должны были пройти еще немного на север и обозначить себя у южной оконечности полуострова Ханко, после чего возвращаться домой. И вот тут-то все и началось...

Дежурный радист неожиданно доложил мне, что в эфире исчезли все радиосигналы. Тишина, как в сурдокамере. Одновременно отказали и ГЛОНАСС, и GPS. Что бы это все могло значить?!

Я велел немедленно связаться со штабом бригады в Высоцке, но как радист ни старался, ему это сделать так и не удалось. Попытка установить связь с узлом связи Северо-западного управления погранвойск в Питере тоже оказалась безуспешной. Немного подумав, я дал указание попробовать выйти на частоты наших финских коллег – может быть, они в курсе, что случилось. Но и финны не отвечали на наши вызовы.

Мне стало немного не по себе. Что же все-таки произошло? На экране локатора было пусто, хотя место, где мы сейчас находились, было довольно оживленным. Раньше корабли шли мимо нас один за другим, а сейчас – словно вымерли. Происходящее мне все больше и больше переставало нравиться.

На всякий случай я приказал сыграть боевую тревогу. Пусть люди находятся на боевых постах и будут готовы к любой неожиданности. А радист тем временем безуспешно продолжал шарить в эфире. Наконец, ему повезло.

– Товарищ капитан 3-го ранга, – сказал он, снимая наушники, – есть связь с танкером «Лена». Он находится к юго-западу от острова Руссаре.

Танкер «Лена», флотский корабль снабжения, базировавшийся в Балтийске, я знал хорошо. Накануне нашего выхода в море я видел его в Высоцке, где он стоял под погрузкой у нефтяного терминала. По слухам, «Лена» должна была отправиться в Средиземное море с грузом нефтепродуктов для нашей эскадры, которая сейчас днюет и ночует у берегов Сирии.

– С «Лены» передают, что они поддерживают устойчивую связь с БДК «Королев» и учебным кораблем «Смольный». И еще... – тут радист даже подпрыгнул на кресле от удивления, – товарищ капитан 3-го ранга, со «Смольного» на «Лену» передали, что он был атакован британским парусно-паровым военным кораблем. «Смольный» открыл ответный огонь и потопил британца. Выяснилось, что мы находимся... – тут голос радиста дрогнул, –

оказывается, товарищ капитан 3-го ранга, мы каким-то образом попали в XIX век. Точнее, сейчас на дворе 14 августа 1854 года. На Балтике ведутся боевые действия между русским флотом и объединенной англо-французской эскадрой.

– Что за ерунда! – возмутился я. – Какой XIX век? Какая война? Они что там, на «Лене», допились до белой горячки?

– Не знаю, товарищ капитан 3-го ранга, – развел руками радист, – только сейчас со «Смольного» вышел на связь капитан 1-го ранга Степаненко – командир учебного корабля, – который подробно доложил на «Королев» о том, как именно был потоплен британский военный корабль «Валорос», входивший в состав эскадры адмирала Непира, которая действует на Балтике.

Оказывается, в ходе боя были взяты пленные, а на борту «Смольного» находится ротмистр Шеншин – личный посланец императора Николая I, следовавший из Бомарзунда в Санкт-Петербург.

От удивления я чуть не сел мимо стула.

Во дела! – подумал я. Прямо как в книжках про альтернативную историю. Раз, два – и мы оказались в другом времени, в другой эпохе. И что же нам теперь делать-то? Понятно, что если британцы полезут и на нас, как они полезли на «Смольный», то мы влупим им по самое не грусти со всей пролетарской сознательностью. Все же кораблик наш хотя и небольшой, но для нынешних времен весьма зубастый. Пушка 76 мм и полторы сотни снарядов – этого вполне достаточно для того, чтобы перетопить всю эскадру британского адмирала. Да и 30-миллиметровая шестистволка может немало дел натворить.

Учитывая же, что мы можем вести огонь с дистанции шести с половиной миль, мы достанем англичан, даже не предоставив им удовольствия открыть огонь по нам.

– Товарищ капитан 3-го ранга, – отвлек меня от размышлений радист, – в эфир вышел капитан 1-го ранга Кольцов. Он находится сейчас на «Королеве». Так вот, каперанг Кольцов приказал как старший по должности всем боевым кораблям, из XXI века попавшим в XIX век, собраться в точке рандеву в пятидесяти милях к югу от крепости Бомарзунд. Надо оценить все наши силы и определить – что делать дальше.

Гм, подумал я, конечно, наш «Выборг» принадлежит совсем другому ведомству, и капитан 1-го ранга Кольцов для меня не начальник. Но ситуация чрезвычайная, и Кольцов в данном случае прав – надо держаться всем вместе, чтобы не пропасть поодиночке.

– Хорошо, – сказал я радисту, – сообщи на «Королев», что мы идем к точке рандеву. Заодно уточни ее координаты. И поддерживай связь с «Леной» и «Смольным». А также пошарь как следует по всем диапазонам – глядишь, кто еще из наших современников найдется...

14 (2) августа 1854 года. МДК «Мордовия».

К югу от полуострова Ханко

Командир корабля капитан 3-го ранга

Сергеев Николай Иванович

Про военный корабль принято говорить, что он идет. Но про мой корабль так не скажешь. Он не идет, а летит. В ТТХ «Мордовии» указано, что ее максимальная скорость – шестьдесят узлов. Но на ходовых испытаниях малый десантный корабль проекта 12332 «Зубр» развил скорость семьдесят узлов. А сами конструкторы – создатели этого корабля,

шепнули мне при приемке МДК, что это еще не предел.

Сегодня мы идем со сравнительно небольшой скоростью – чуть меньше пятидесяти узлов. Но это для нас такая «швыдкость» небольшая. Для большинства военных кораблей подобная скорость просто запредельна. «Мордовия» мчится по волнам, поднимая тучи водяной пыли.

Мы следуем из Балтийска в Финский залив. На борту МДК усиленная разведрота 879-го отдельного десантно-штурмового батальона и техника – четыре БТР-82А и четыре САО «Нона-СВК».

По приказу высокого начальства нам предстоит поиграть в войнушку – добравшись до Березовых островов (раньше их называли островами Бьеркского архипелага), мы вскрыем конверт с легендой учений и узнаем, где и когда нам предстоит высадить десант. Судя по всему, морпехи займутся своим любимым делом – захватом сильно укрепленного командного поста условного противника.

Почему нас погнали в такую даль? Конечно, мне не известны планы нашего руководства, но по моему разумению похоже, что командование решило потренировать морскую пехоту в высадке на побережье, схожее с побережьем Финляндии и Швеции. Черные береты уже привыкли высаживаться на пляжи Балтики, круша мишени и расстреливая списанные танки и бэтээры, чем до ужаса пугали бывших наших братьев-прибалтов. Теперь, похоже, подошла очередь попортить нервы финнам и шведам. А то они что-то слишком часто стали рассуждать о вхождении в НАТО и о той опасности, которая исходит от России, а также о «непомерных амбициях Путина». Надо чуток охолонить не в меру горячих скандинавов.

В общем, задача для нас несложная, хотя прибрежные воды Выборгского залива изобилуют камнями и мелями. Да и фарватеры там извилистые, и нашей «Мордовии» придется двигаться буквально на цыпочках. Я достал лощи и приготовился вести корабль со всей осторожностью, дабы не напороться на какой-нибудь малозаметный камень, торчащий из воды, и не порвать «юбку» МДК.

А пока же я стоял на открытом всем ветрам крыле рубки МДК и чувствовал, как «Мордовия» парит над серыми водами Балтики. Через стекло я видел лицо вахтенного, который с помощью пяти экранов и электротехнических приборов контролировал состояние ходовых и подъемных двигателей, генераторов и различных вспомогательных систем. Штурвал МДК напоминал штурвал тяжелого боевого самолета, и потому старшина 2-й статьи, управлявший кораблем, чувствовал себя пилотом, ведущим свой воздушный корабль (в прямом смысле этого слова) к цели.

На подходе к известному всем русским морякам полуострову Гангут, или, как его сейчас называют, Ханко, у нас неожиданно что-то странное стало твориться с радиосвязью. Мы, правда, по условиям учений шли к назначенному нам месту, сохраняя полное молчание в эфире, и работали только на прием.

Вместе со связью куда-то подевались и сигналы навигационных систем – ГЛОНАСС и GPS. Это все было очень и очень странно. На всякий случай я сбавил ход и приказал мичману Григорьеву, который командовал БЧ-4, разобраться, куда все подевалось, и доложить мне. На всякий случай я объявил по трансляции боевую тревогу. Весь экипаж – двадцать семь человек – разбежался по своим боевым постам.

Минут через десять мичман Григорьев доложил мне, что на связь вышел учебный корабль Балтфлота «Смольный», командир которого сообщил, что его корабль каким-то образом оказался в прошлом – угодив прямиком в 1854 год. И «Смольный» уже имел

боестолкновение с кораблями англо-французской эскадры адмирала Непира, действующей на Балтике.

Ведь, как я помню по учебнику истории, в это время уже вовсю шла Крымская война, флот союзников бомбардировал Свеаборг и захватил русскую крепость на Аландских островах. Если я не ошибаюсь, эта крепость называлась Бомарзунд. Так вот, английский паровой фрегат с перепугу атаковал «Смольный», но получил горячее алаверды и был потоплен артиллерией. А с десятков британских моряков попали в плен.

Мне уже приходилось встречаться с капразом Степаненко, и я не замечал за ним каких-либо странностей в поведении. Скорее наоборот – он был на удивление спокойный и рассудительный командир. Так что версия о том, что у него неожиданно поехала крыша, показалась мне маловероятной. Да и свихнувшегося командира корабля вряд ли бы подпустили к радиостанции... Опять же – как объяснить странное исчезновение из эфира каких-либо следов работы радиостанций? «Смольный» – не в счет. Я не знал, что и думать.

Тем временем мичман Григорьев сообщил, что в эфир вышли еще несколько наших кораблей. Это были танкер «Лена», БДК «Королев» (привет Алексею Ивановичу Сомову – его командиру!) и пограничный катер «Выборг». И у всех одна и та же история – пропажа связи, исчезновение ГЛОНАСС и GPS.

Но повоевать с англо-французскими интервентами удалось только «Смольному». Кстати, помимо пленных британцев на нем сейчас находится и посланник русского императора Николая I ротмистр Шеншин. Интересно, не родственник ли он нашему знаменитому поэту Фету, который в миру носил фамилию Шеншин?

Как говаривала Алиса из «Страны чудес», становится все чудесатее и чудесатее... Надо было срочно решать – что делать дальше. По вполне понятным причинам учебная высадка в Выборгском заливе отменялась. То, что неподалеку находился танкер «Лена», меня обрадовало. Ведь всем хороша наша «Мордовия», но слишком она прожорливая – горючего хватит лишь на то, чтобы добраться до Питера.

Только как нам пройти мимо Кронштадта? Не исключено, что русские артиллеристы, дежурящие на фортах, прикрывавших крепость с моря, могут запросто всадить в МДК несколько ядер или бомб. И тогда ей крышка – судостроительные заводы того времени вряд ли смогут ее отремонтировать.

Мои сомнения рассеял мичман Григорьев, сообщивший, что на связь вышел капитан 1-го ранга Кольцов. Это была важная птица – по слухам, он должен в самое ближайшее время получить адмиральские погоны. А пока его с отрядом кораблей направили в дальний поход. Куда именно, я не знал. В штабе мне только шепнули, что оно будет долгим и интересным. Насчет долгого штабные явно ошиблись, а вот насчет интересного – попали прямо в десятку...

Так вот, каперанг Кольцов заявил, что как старший по должности он берет на себя командование всеми кораблями Балтфлота, оказавшимися заброшенными в прошлое. И он назначил точку randevu, куда все эти корабли должны прибыть. Эта точка находится в пятидесяти милях к югу от Бомарзунда.

Я понял, что капитан 1-го ранга Кольцов очень хочет помочь нашим предкам навешать хороших люлей французам и британцам. А, собственно, почему бы и нет? Я лично в этом поучаствовал бы с большим удовольствием. Надо сообщить обо всем случившемся морпехам...

14 (2) августа 1854 года.

Балтийское море. Борт МДК «Мордовия»

Командир разведроты 879-го отдельного

десантно-штурмового батальона

капитан Александр Хулиович Сан-Хуан

– Вот такие вот пирожки с котятами, друг мой Хулиович, – невесело усмехнулся капитан 3-го ранга Сергеев, а для своих – Коля. Коля родился в Одессе, в отрочестве жил сначала в Севастополе, а потом в Питере. Но каждое лето проводил у бабушки с дедушкой, и язык его в кругу своих изобиловал одесскими словечками. И выражение сие как нельзя лучше подходило к ситуации, в которой мы все оказались.

Мы с Колей знакомы давно – учения на «Мордовии», связанные с высадкой десанта, мы проводили не раз и не два. Покамест все они происходили в наших янтарных краях – в Калининградской области – с высадкой то на пляж, то прямо на дюны. Но командование решило – и правильно решило, как мне кажется – направить нас на Березовые острова. Что именно нам там предстояло делать, не знаю. Конверт с заданием мне предстояло вскрыть лишь перед началом операции. Но как мне кажется, нас готовили и к десантированию на балтийское побережье Скандинавии. Не то чтобы мы собирались это делать, все-таки Россия – не Америка, и агрессиями не занимается. Но, как говорили в Древнем Риме, *si vis pacem, para bellum* – если хочешь мира, то готовься к войне.

А вот теперь, похоже, нашей целью будет более интересное место – остров Бомарзунд. И высадка будет первой нашей боевой операцией – пусть и против французов образца 1854 года. Наша задача – сделать это так, чтобы не пострадал никто из наших, и чтобы французы получили такой урок, после которого их холодный пот прошибал, с при одной только мысли о войне с Россией. Как сказал бы Коля, «вы хотите песен, их есть у меня».

Ведь Россия для меня – больше, чем мать. В 1938 году моя прабабушка, Мария Эсмеральда Лусьентес де Сан Хуан, навсегда покинула Испанию. На руках у нее был младенец – мой дед, Хуан Эмилио Сан Хуан Лусьентес. Прадед мой, Хулио Эмилио Сан Хуан Ирисарри, погиб смертью храбрых в битве при Гвадалахаре, так и не узнав, что его жена, свадьбу с которой он сыграл всего двумя неделями раньше, уже носит под сердцем его сына.

Жили они после этого в Москве, где прабабушка работала переводчицей при Народном комиссариате иностранных дел, а после – и в Министерстве иностранных дел СССР. Снова замуж она так и не вышла, посвятив всю свою жизнь моему деду.

Дедушка учился в МГУ, стал инженером-конструктором в одном из бюро Москвы. Об этом я узнал много позже, тогда меня уверяли, что он всего лишь партийный работник. Женился дед тоже на дочери беженцев из Испании, Ане Элеоноре де Леон и Понсе, по паспорту – Анне Хуановне Де-Леон. Первым из шести детей был мой отец, Хулио Хуанович Сан-Хуан.

Когда мой отец был в командировке на Кубе в начале восьмидесятых, он познакомился с моей мамой, Барбарой Свенсен Веласкес, и вскоре они поженились. Первого ребенка они назвали в честь и деда по отцу, и деда по матери – Хуаном. Меня же мама назвала Александром, в честь Александра Сергеевича Пушкина. Жили мы в Москве, а потом отца перевели в Питер, аккуратно когда я должен был пойти в первый класс. И узнав, что мое отчество Хулиович, одноклассники начали надо мной издеваться.

Когда я пожаловался об этом матери, она поговорила с отцом, и он отвел меня в секцию

борьбы самбо, после чего издевательства надо мной каким-то волшебным образом прекратились. Пришлось всего лишь немного помять двух самых наглых приставал.

Потом были успехи не только в школе, но и в спорте. Когда же я посмотрел фильм «Офицеры», то сразу решил, что у меня будет лишь одна профессия – Родину защищать. К слову сказать, никто из моих близких родственников не захотел «репатриироваться» в Испанию, когда появилась такая возможность – все, начиная от бабушки с дедушкой, были патриотами СССР, а потом и России. Конечно, мы все ездили в гости к родне в Испанию, где было хорошо, тепло, и встречала нас родня весьма радушно. Но тем не менее для нас это была лишь родина предков, но не наша родина.

Так что вырос я русским патриотом, и в результате стал не инженером, как этого хотели мои родители, а морским пехотинцем. Конечно, ни одной «настоящей» операции у меня не было – мы ни с кем не воевали, а в Чечне уже царил мир, – но тренировались мы в последнее время много, и мне не терпелось поскорее попробовать себя в деле. Но я отдавал себе отчет в том, что это было весьма и весьма маловероятно – разве что наконец-то начнется освобождение Новороссии с моря. Крым-то я пропустил...

И вот сижу, никому не мешаю, починаю примус – тьфу ты, читаю «Сто лет одиночества» Маркеса – по-испански, чтобы не забывался язык предков, – тут вдруг заходит ко мне Коля и говорит:

– Саш, отложи беллетристику – серьезный разговор есть.

Мы уединились в капитанской каюте, и он меня прямо с ходу спросил:

– Саш, какой, по-твоему, сейчас год на дворе?

– Две тысячи пятнадцатый, а что? – с удивлением ответил я.

Николай как-то загадочно посмотрел на меня, а потом и говорит:

– А если я тебе скажу, что сейчас тысяча восемьсот пятьдесят четвертый год от Рождества Христова – что ты на это скажешь?

Я посмотрел на него с недоумением – шутит он или нет, а потом осторожно спросил:

– Коль, а в чем тут, собственно, прикол?

Николай ничего не ответил на мой вопрос, а просто включил телевизор, стоявший у него в каюте. Но никакой картинки на экране не появилось – только черный квадрат, прямо как у Малевича (ладно, не квадрат, а прямоугольник). Он пощелкал «лентяйкой», переключая каналы, но ничего на экране не изменилось. Тогда он включил старенький коротковолновый радиоприемник, подарок его отца, но из динамика раздалось лишь одно шипение. Действительно, ни одной радиостанции...

– И на мобильнике ничего не ловилось, и ГЛОНАСС с GPS не ловятся, – пояснил Коля. – Зато удалось связаться с парой наших кораблей. Так вот, один из них успел уже поучаствовать в бою с английским колесным пароходом...

От таких слов у меня глаза полезли на лоб. Я увидел, что Николай не шутит. И я не нашел ничего лучше, как спросить:

– А это еще что за корыто такое?

– Для нас – музейный экспонат, здесь же – вершина инженерной мысли. Так вот, дата все та же – 14 августа, вот только, как я и сказал, пятьдесят четвертого года. Тысяча восемьсот пятьдесят четвертого.

И находится сейчас Российская империя в состоянии войны с Англией, Францией и Турцией. Англичане с французами штурмуют нашу крепость на острове Бомарзунд – это в Ботническом заливе. Вот такие вот пирожки с котятами, друг мой Хулиович.

Так, подумал я. Давай поразмышляем еще раз над всем услышанным. Радио нет, ГЛОНАССа нет, ничего нафиг нет. И Коля производит на меня вполне нормальное впечатление. Вроде и крыша на месте, и с «белочкой» душевные беседы не ведет. Конечно, он мог бы позаботиться о том, чтобы ни радио, ни ТВ не ловились, а про ГЛОНАСС с GPS я знаю только лишь с его слов – но на него не похоже, не любит он таких приколов. Значит, действительно мы угодили в прошлое. Как и почему – это отдельный разговор. Ну, а чем мы тут будем заниматься – тоже понятно...

Я внимательно посмотрел на своего приятеля:

– Коля, скажу тебе сразу: если надо намять холку супостату, то это для нас всегда пожалуйста. Надеюсь, что в ближайшем времени мы сможем показать себя в деле.

– Вот и ладушки, – обрадовался Николай. – А пока мы с тобой приглашены на совещание на борту БДК «Королев», одного из кораблей отряда. Так что готовься, минут через сорок отчаливаем.

14 августа 1854 года. Париж, дворец Тюильри
Шарль Луи Наполеон Бонапарт,
император Франции

В зеркале, висящем на стене кабинета императора, отражался щеголеватый человек с усами и бородкой-эспаньолкой – такой, какие сейчас очень нравятся женщинам. Что-то от знаменитого дяди было у него в районе глаз. Но вообще схожести было, увы, маловато. Наполеон III (именно так он себя величал со времен узаконенного переворота, который привел его сначала во власть, а потом и в императоры) положил руку под пиджак, желая хоть этим быть похожим на величайшего человека в истории Франции.

Он еще какое-то время покрутился перед зеркалом и, довольный собой, уселся в кресло рядом с бутылкой коньяка, розлитого еще в годы правления дяди. Налив себе полфужера, Луи Наполеон стал смаковать благородный напиток, попутно размышляя о последних сводках с фронта.

А они были такими, что выпить было за что. После не слишком удачного начала войны его доблестные солдаты скоро возьмут Бомарзунд – крепость русских у берегов Швеции. По крайней мере, ему сообщили, что башня, с которой можно будет денно и нощно обстреливать цитадель, вот-вот будет взята, и что у русских там нет ни достаточного количества пушек, ни солдат. К тому же их артиллерия значительно уступает английской и французской в дальности стрельбы. Да, и союзники со своими фрегатами помогут, если что...

В отличие от англичан, у Луи Наполеона не было никаких сомнений в необходимости этой войны. И дело вовсе не в помощи этим обезьянам в фесках – если русские их и перебили бы, то он не слишком бы об этом горевал. Но вот за унижение его великого дяди, которому, бросив остатки своей армии, пришлось бежать из этой проклятой Московии, как ее называют поляки, они должны ответить сполна. Как, конечно, и англичане за Ватерлоо – но всему свое время.

Именно с русских он решил начать из-за страшного унижения, нанесенного ему после того, как он стал Божьей милостью императором Франции. Англичане сразу прислали поздравления, даже битые его дядей пруссаки и австрийцы, поломавшись для приличия, прислали поздравления от своих монархов. А вот русские долго тянули, а потом прислали поздравление, которое начиналось словами «cher ami» – «дорогой друг», а не «дорогой брат»,

как было принято среди монархов. Этот лысый русский император нанес ему страшную обиду, а такое смывается только кровью. Правда, он тогда сумел выкрутиться, заявив, что братьев нам дает Бог, а друзей выбирают сами, и он предпочитает последнее. Именно потому Луи-Наполеону и нужны были собственные военные победы – иначе ему никогда не выйти из тени своего великого дяди.

В дипломатии он своего дядю уже переплюнул. Сначала он добился того, чтобы англичане согласились на союз с ним. А королю Сардинии Виктору Эммануэлю II он сделал предложение, от которого тому будет трудно отказаться – если он присоединится к коалиции, то Франция поможет макаронникам объединить Италию – естественно, с корольком сардинок в качестве короля всея Италии. И хотя окончательного решения еще нет, но уже получены сигналы из Турина о том, что решение, вероятнее всего, будет положительным, особенно после первых французских побед. Конечно, обещанное можно потом и не давать, но пока они должны прислать пару десятков своих вояк. Пусть посмотрят, как французы воюют, и сделают из этого должные выводы.

Чуть сложнее было с австрийцами – те решили на первых порах оказать антирусской коалиции лишь дипломатическую поддержку. Луи слышал краем уха, что русский император у себя во дворце перевернул к стенке портрет австрийского императора Франца-Иосифа и назвал его «неблагодарным». Но тот был всего лишь рассудительным – что-что, а проблемы в Италии, да и в других местах, ему были не нужны, да и венгерская часть его министров и генералов Россию после подавления мятежа 1848 года возненавидела.

Пруссию он смог принудить к нейтралитету. Впрочем, у них сейчас свои проблемы – они пытаются объединить Германию, и им война на стороне России совершенно не нужна. То же и со шведами, и с датчанами – они хоть и не горят желанием ввязываться в войну с русскими, но формально уже помогают союзникам, разрешив их Балтийской эскадре базироваться в шведских и датских портах. Для начала этого достаточно. А там посмотрим, как дела пойдут.

И даже у далеких греков король – баварец, которому французский и английский послы подробно разъяснили желательную линию поведения. Тот все понял с полуслова и объявил о своем полном нейтралитете, хоть прорусские настроения в Греции очень и очень сильны.

Полякам Луи обещал воссоздание Польского королевства – с условием его полного подчинения Франции. Австрийцы уже тайно пообещали пропустить через свою территорию польский экспедиционный корпус. После первых крупных русских поражений от Вислы до Буга появится еще один театр боевых действий. Единственная проблема – австрийцы согласились на пропуск поляков только при условии сохранения Галиции – включая Краков – в составе их территории, и поляки этим весьма недовольны.

Но как он недавно объяснил их князю Адаму Ежи Чарторыйскому, главное – воссоздать Польшу. Распространить ее на земли, находящиеся сейчас под властью Австрии и даже Пруссии, можно и потом.

Так что друзей у русских не осталось вообще, и потому их поражение – вопрос лишь времени. Что именно отберут у них после войны, еще предстоит решить. Но им не суждено далее оставаться морской державой – вот здесь и французы, и англичане пришли к полному взаимопониманию. Плюс на побежденных русских будет наложена немалая контрибуция, и они, конечно, потеряют ряд территорий – начиная с Крыма и, например, острова Котлина и кончая Польшей – может быть, даже до Днепра, как этого требуют Чарторыйский с его высокомерным и, судя по запаху, редко моющимся и редко бывающим трезвым

«правительством».

Понятно, что после этого начнутся раздоры с англичанами по поводу того, кто что получит – но это все в будущем.

Главное, у него есть поддержка народа. Его реформы действительно облегчили жизнь многих французов. А газеты заняли вполне верноподданническую позицию, да и негласная цензура во Франции очень даже присутствует. Есть, конечно, такие личности, как Виктор Гюго, который вначале поддерживал его, Наполеона, а теперь бежал за границу и начал его нещадно критиковать. Ну, да ладно, пусть сидит на острове Джерси, труды его практически не попадают во Францию, а газеты и думать забыли о том, что когда-то существовал такой писатель. Впрочем, нужно будет потребовать от англичан его выдачи – пусть этим займется министр иностранных дел Эдуард Друэн де Люис, с которым Наполеон сейчас встретится.

Луи Наполеон выпил последний глоток коньяку, с тоской взглянул на бутылку, еще раз полюбовался в зеркале своим отражением, причесал усы и бородку, после чего вышел из кабинета.

Историческая справка – Наполеон III

«Железный канцлер» Бисмарк говорил о нем как о «не признанной, но крупной бездарности», но даже враги императора Наполеона III соглашались, что племянник великого корсиканца добился трона своего дяди исключительно за счет неумеренной жажды власти и способности стойко переносить все превратности судьбы. Ему приходилось скитаться в трущобах Лондона, сидеть в тюрьме, спасаться бегством от полиции с фальшивым паспортом в кармане.

Европейские монархи единодушно считали французского императора Наполеона III выскочкой и плебеем, позорившим своим происхождением и поведением всех венценосцев. Несмотря на то что он считался сыном голландского короля Луи Бонапарта и Гортензии Богарнэ (соответственно брата и падчерицы Наполеона Бонапарта), к великому корсиканцу его племянник, похоже, не имел никакого отношения. Дело в том, что Луи Бонапарт был постоянно в разъездах, и пылкая креолка Гортензия обзавелась сразу тремя любовниками. Ими стали голландский адмирал Веруэлл, аристократ Эли Деказ и шталмейстер двора Шарль де Билан. Так как королева сожительствовала одновременно с тремя любовниками, установить, кто из них является настоящим отцом будущего французского монарха, было невозможно.

От своей любвеобильной матери Луи-Наполеон унаследовал страстную тягу к плотским утехам и жажду власти. Всю жизнь он посвятил одной мысли – занять трон своего великого дяди и прославиться. Для достижения ее Луи-Наполеон не жалел ни сил, ни средств.

После отречения Наполеона Бонапарта от престола королева Гортензия была вынуждена покинуть Францию. Обосновавшись в Швейцарии, семья бывшего голландского монарха отнюдь не бедствовала, благо в годы своего правления французский император старался не обижать родственников и давал им возможность скопить денег на черный день. Однако юный Луи-Наполеон не собирался спокойно проживать свой век на родительских харчах.

В возрасте двадцати двух лет он присоединился к итальянским революционерам-карбонариям и принял участие в заговоре против папы римского, желая лишить главу всех католиков светской власти над Римом. Заговор провалился, и будущий император был вынужден, спасаясь от папской полиции, бежать из Италии в чужой одежде с фальшивым паспортом.

Гортензия решила, что ее беспокойному отпрыску необходимо остепениться. Она пристроила его в военную школу в швейцарском городе Туне, где Луи-Наполеон, как и его великий дядя, стал изучать артиллерийское дело. Но карьера полководца не прельщала честолюбивого молодого человека. Он мечтал об императорской короне.

В 1836 году он вместе с несколькими французскими офицерами осуществил свою первую попытку государственного переворота, подняв мятеж в Страсбурге. В шесть часов утра 30 октября Луи-Наполеон вышел к солдатам в знаменитой треуголке своего дяди и в его сером походном сюртуке и призвал их «восстановить величие державы». И, соответственно, возвести его на престол. Но войска остались верными тогдашнему королю Франции Луи-Филиппу, а офицеры арестовали мятежников.

Луи-Наполеона под конвоем привезли в Париж и до суда посадили в одну из камер столичной мэрии. Но суд над организатором мятежа так и не состоялся. Французское

правительство решило замять дело, и арестанта просто выслали из страны в США.

Честолюбивый молодой человек, потерпев поражение, на этом не успокоился и уже через год отплыл из Америки в Европу. Обосновавшись в Лондоне, он приступил к подготовке очередной попытки захвата власти. На этот раз Луи-Наполеон готовился к мятежу более тщательно. Во главе сотни вооруженных единомышленников он нанял грузовой корабль и 6 августа 1840 года тайком высадился в Булони. Помимо ставшей уже знаменитой треуголки и сюртука, претендент на престол продемонстрировал солдатам булонского гарнизона дрессированного орла, который кружил над ним, а в кульминационный момент его выступления, с клекотом усаживался на плечо Луи.

Но и в этот раз попытка мятежа закончилась провалом. Королевские войска не поддержали бонапартистов и открыли по ним огонь. Луи-Наполеон был вынужден спасаться бегством. Но далеко уйти ему не удалось. Мятежника задержали и под усиленной охраной отправили в столицу Франции, где поместили в знаменитую парижскую тюрьму «Консьержери».

На этот раз суд не был так снисходителен к Луи-Наполеону. Тридцатого сентября 1840 года палата пэров Французского королевства приговорила его к пожизненному заключению. Друзья арестанта были огорчены столь суровым приговором. Один из них писал: «Все, кто знал Луи-Наполеона, сходились в том, что решение палаты пэров равносильно смертному приговору, никогда, говорили они, никогда он не сможет жить без женщин!»

Заключение узник отбывал в крепости Гам, неподалеку от Амьена. Впрочем, жаловаться на тюремщиков ему не приходилось. В своей камере Луи-Наполеон устроил настоящую физическую лабораторию, ставил там опыты, много читал. Не забывал он и о прекрасной половине рода человеческого. Луи вступил в любовную связь с прачкой, которая приходила в крепость стирать белье арестантов, и ухитрился прижить с ней двух сыновей.

Но помимо науки и амурных дел, арестант не забывал и о политике. Он знал, что французский король Луи-Филипп не пользуется большой популярностью у своих подданных. Узник решил сделать еще одну попытку захватить власть в стране и стал готовиться к побегу.

К тому времени в крепости начались ремонтные работы. Этим обстоятельством он и решил воспользоваться. Слуга сумел тайком принести в камеру Луи-Наполеону блузу рабочего, брюки, шейный платок и парик. Двадцать пятого мая 1846 года, переодевшись в одежду обычного рабочего, арестант вышел во двор, подхватил на плечо доску и преспокойно вышел из крепости, беспрепятственно миновав караул у ворот своего узилища. Через шесть лет заключения он снова оказался на свободе.

Уже на следующий день он был в Брюсселе, откуда вскоре отбыл в Лондон.

В английской столице беглецу поначалу пришлось несладко. Оставшись без средств к существованию, он познакомился с одной местной проституткой, которую сделал своей любовницей. Будущий император Франции стал жить на доходы от ее панельного ремесла. Луи-Наполеон был благодарен своей «кормилице», и с помощью английских приятелей позднее сделал ее одной из богатейших леди Британии.

В феврале 1848 года король Луи-Филипп отрекся от престола, и страна стала республикой. Луи-Наполеон выставил свою кандидатуру в президенты Франции, и в декабре того же года сумел победить на выборах, завоевав семьдесят пять процентов голосов избирателей. Племянник императора дал присягу на верность республике, но уже на следующий день стал готовиться к государственному перевороту, который сделал бы его наследственным монархом.

На следующий год второго декабря – в годовщину Аустерлица – президент Франции опубликовал декрет о роспуске Национального собрания и отменил Конституцию. Более тридцати тысяч французов, протестовавших против переворота, были арестованы, из них три тысячи заключены в тюрьмы и десять тысяч депортированы из Франции. Еще через три года была принята новая конституция, и бывший президент стал императором Наполеоном III.

Почти двадцать лет бывший арестант и мятежник правил Францией. За это время он втравил страну в несколько войн и колониальных авантюр, которые в конце концов и привели его империю к краху.

14 (2) августа 1854 года. Балтийское море.
Борт учебного корабля «Смольный»
Николай Максимович (Николас) Домбровский,
корреспондент «РТ»

Кто я? Не в смысле, что тварь я дрожащая или право имею. А в том, русский я или американец?

Если посмотреть, сколько в моей жизни было разных неожиданных поворотов, что просто диву даешься.

Родители мои были коренными москвичами. Но в самом начале перестройки отец получил приглашение на работу в Калифорнийский институт технологии, где ему предложили должность профессора. И родители отправились в заморский город Пасадина, что неподалеку от Лос-Анджелеса. Как потом подсчитала мама, они зачали меня еще в Москве, и таким образом я без документов, можно сказать нелегально, попал в Соединенные Штаты Америки. Но зато на свет божий я появился в этой самой Пасадине, что автоматически дало мне американское гражданство. Если что, то я могу даже стать когда-нибудь президентом США. Только право правом, а в Белый дом мне вряд ли удастся попасть. Если только в качестве экскурсанта – как во времена моей юности, когда я побывал там с школьной группой.

К счастью для моих родителей, у университета для профессоров и членов их семей была весьма неплохая медицинская страховка. Иначе бы моим родителям пришлось платить очень даже нехилую сумму из своего кармана, ведь мать была беременной на момент приезда – но это уже совсем другая история.

Детство и юность мои были как бы в двух мирах – с друзьями и в школе я был вполне обычным южно-калифорнийским мальчишкой. А вот дома мать, которая в нашей семье была неформальным лидером, заставляла меня учить русский язык, читать русскую литературу и книги по истории России. А по воскресеньям я ходил в воскресную школу при православном соборе в Лос-Анджелесе. Так что я считал себя одновременно и американцем, и русским.

А потом мы переехали на другое побережье, и я увлёкся спортом и стал более или менее типичным американцем. После школы учился в достаточно престижном университете в штате Нью-Джерси. А после него несколько лет проработал в одном инвестиционном фонде в Нью-Йорке. Конечно, все было роскошно: квартира в центре Манхэттена, машина, приезжавшая за мной утром и отвозившая обратно домой после работы... Вот только работать приходилось от зари до зари.

Еще в университете я пописывал в ежедневную университетскую газету и даже стал со

временем в ней редактором спортивного отдела. Конечно, при работе в инвестфонде, сил и времени на журналистику у меня не было вообще. Но все же каким-то чудом я сумел выкроить время для посещения курсов по журналистике в Нью-Скул – альтернативном, но весьма неплохом вузе недалеко от места моей работы.

И вот, наконец, я ушел из фонда и устроился журналистом в один из интернет-медиа. С квартирой в Манхеттене, понятно, пришлось распрощаться, а машину я себе заводить не стал – машина в Нью-Йорке не средство передвижения, а роскошь – и приобрел недорогую квартиру в Бруклине, благо за время работы в фонде я неплохо подзаработал. Тем более что вследствие кризиса цены на недвижимость в Нью-Йорке резко упали.

Четыре года назад я впервые побывал в месте моего зачатия – в России. И мне так там понравилось, что я позвонил знакомому стрингеру, работающему в том числе и на «Russia Today», и попросил его мне посодействовать.

Как ни странно, меня взяли в «РТ» даже не стрингером. Мне предложили работу в Москве, на их студии. И, наконец, три дня назад я отправился в первую свою самостоятельную командировку – мне было поручено сделать репортаж о посещении учебным кораблем военно-морского флота России «Смольный» портов некоторых скандинавских стран. Задание несложное, фактура богатая, а на все про все – одна минута эфира. Не самое интересное задание, но для начала вполне достаточно. Как говорят в России, лиха беда начало...

И вдруг все неожиданно переменялось. Моя съемочная группа теперь – одна из двух имеющихся в наличии на планете Земля. Хотя вторая, конечно, в данный момент на «Смольном» же. Это Юра Черников, с которым я успел сдружиться, и его ребята от телеканала «Звезда». А я вообще единственный тележурналист во всем мире, обученный по американским лекалам. Вот так-то! Хотя здесь тележурналистика малоинтересна из-за полного отсутствия телевизоров, и мне придется переключиться на работу в самых обыкновенных газетах.

А на вопрос, кто я, я ответил себе еще несколько лет назад. Я русский, хотя и родился в Америке. И в этом мире, принадлежащем далекому прошлому, с точки зрения того мира, в котором я родился и вырос, я сделаю все, чтобы помочь моей настоящей Родине. Той самой, на которую сейчас ополчились Англия, Франция и Турция.

14 (2) августа 1854 года. Балтийское море.
Каюта учебного корабля «Смольный»
Николай Максимович (Николас) Домбровский,
корреспондент «РТ»

В выделенном мне для беседы помещении имелись столик, четыре стула, пара картинок с парусными кораблями на стенах. В иллюминатор были видны свинцово-серые воды Балтики.

Не успели мои ребята установить аппаратуру и подсветку, как открылась дверь, и двое вооруженных курсантов ввели в помещение молодого моряка в синем мундире. Я с любопытством смотрел на человека из XIX века. Мне вдруг подумалось, что любой журналист из XXI века, не задумываясь, отдал бы полжизни и левую почку в придачу за возможность оказаться на моем месте. Ожившая фантастика! Невероятно! Но факт имеет место быть – передо мной стоял подданный королевы Виктории, современник Толстого,

Некрасова и Диккенса.

– Здравствуйте, – сказал я ему по-английски. – Меня зовут Николас Домбровский. А с кем я имею честь беседовать?

– Лейтенант Джосайя Джонсон, флот ее величества, – четко отрапортовал он мне, словно я был его непосредственным начальником.

– Присаживайтесь, лейтенант, – и я указал ему стул, стоявший напротив меня. – Расскажите немного о себе.

– Вы американец? У вас акцент жителя Нового Света, – удивленно спросил британец.

– Да, я американец, но одновременно и русский, – с улыбкой ответил ему я. – Впрочем, так ли это важно?

– А где родились? – продолжал донимать меня вопросами неугомонный лейтенант. Похоже, роли переменились, и он берет у меня интервью, а не я у него. Но я не стал возражать – надо установить полный контакт с интервьюируемым. Лишь в этом случае можно выудить из него то, что потом станет «гвоздем» всего моего материала.

– Я родился в Калифорнии, – похоже, что мой ответ весьма удивил мистера Джонсона.

– Но позвольте! – воскликнул он. – Ведь она же совсем недавно была мексиканской территорией!

– Ну, в общем, как-то так получилось... – я развел руками, показывая лейтенанту, что, дескать, это произошло не по моему желанию, а токмо по воле моих родителей.

Потом я посмотрел на англичанина и перешел непосредственно к тому, зачем его привели ко мне:

– Лейтенант, как вам уже, наверное, сказали, я журналист, и у меня к вам есть несколько вопросов. Надеюсь, вы не откажетесь на них ответить.

– Я к вашим услугам, мистер... – лейтенант замялся.

– Домбровский, – сказал я.

– Это, кажется, польская фамилия? – поинтересовался британец.

– Да, мои предки по отцовской линии были польскими шляхтичами, – ответил я. – Но за Россию они сражались еще во времена нашествия Наполеона Бонапарта. Самое пикантное заключалось в том, что им пришлось повоевать с войсками, которыми командовал их дальний родственник – дивизионный генерал французской императорской армии Ян Генрик Домбровский. Правда, после разгрома Бонапарта он перешел на российскую службу и стал генералом русской армии.

– Очень интересно, – задумчиво сказал лейтенант. – Дело в том, что среди тех, кто высадился на берег у крепости Бомарзунд в составе французского отряда однорукого генерала Луи Ашиль Барагэ д'Илье, были и поляки. Один из них – артиллерийский капитан, с которым я успел познакомиться – носит фамилию Домбровский. Может, это тоже ваш родственник?

– Возможно, – ответил я. – Но мне хотелось бы услышать от вас о том, как проходил ваш поход.

– Мы вышли из Спитхэда в составе эскадры вице-адмирала Чарльза Немира, когда война России еще не была объявлена. Сама королева Виктория провожала наши корабли на своей яхте. Почти все наши корабли имели паровые двигатели. Правда, позже к нам присоединились и парусные корабли.

Потом наша эскадра миновала Киль и встала на якорь в бухте Кьогге, к югу от Копенгагена. Здесь мы получили известие о том, что война России наконец объявлена. По

этому поводу сэр Чарльз Непир обратился ко всем экипажам британских кораблей с воззванием. В нем говорилось:

«Парни! Мы объявили войну врагу грубому и храброму. Если он встретится нам в море, вы знаете, как поступать. Если он укроется в порту – мы должны достать его и там. Успех зависит от того, как быстро и точно вы стреляете. И еще, парни, – наточите ваши сабли, и победа будет за нами!»

Ну, что вам еще рассказать? Ходили мы во Францию, взяли группу квартирмейстеров, которые должны присмотреть места вокруг Бомарзунда, где должен был располагаться лагерь французов и их батареи. Тогда-то я и познакомился с этим вашим родственничком. Скажу прямо – не самый приятный человек. Чванливый, все время хвастался, что он, мол, голубых кровей, ну, а вы, мол, кто! А я шотландец, из потомственных моряков. Мой дед служил у Нельсона, потерял ногу при Трафальгаре и купил домик в Портсмуте. Оба моих брата, между прочим, тоже морские офицеры.

– Очень интересно, – мне действительно все сказанное лейтенантом было интересно. – И на каких кораблях они служат?

– Мой старший брат, – ответил мне лейтенант, – Джедедайя, сейчас где-то в Карибском море, а может, и на Бермуде. Младший – Джеремайя – в составе нашей эскадры на «Гекле», у Бомарзунда.

– А сколько вас всего у Бомарзунда? – поинтересовался я.

– Двадцать пять кораблей, – сказал лейтенант, а потом досадливо махнул рукой: – Теперь двадцать четыре – «Валороса» ведь больше нет. А французов я не считал, но они в основном находятся на самом острове. Тысячи три, я так думаю. Но может быть и больше. Сколько орудий – не скажу, потому что не знаю.

– И что же у вас происходило там, у Бомарзунда? – спросил я.

– Подошли мы к Бомарзунду одиннадцатого числа, – начал свой рассказ лейтенант. – Мы, кстати, в июле тут уже побывали – обстреливали русских. Но после того, как русские бомбардиры чуть не потопили «Геклу», нам пришел приказ ретироваться.

Так вот, одиннадцатого мы подошли к острову и начали бомбардировку форта. Потом высадили французов. А вчера – незадолго до нашего ухода – они захватили башню на высоте недалеко от моря. Если вы меня спросите, что будет дальше, то я вам скажу: вряд ли русские смогут долго сопротивляться. У французов теперь артиллерия везде, в том числе и в той захваченной башне. А у русских оставшиеся бастионы далековато от моря. Да и орудий у них маловато. К тому же они просто не достреливают до наших кораблей.

– А теперь позвольте задать вам несколько другой вопрос, – сказал я. – Зачем вам вообще эта война с Россией?

– То есть как это зачем? – изумился британец. – Эти азиаты – русские – считают себя европейцами. Их кровожадный царь Николай хочет завоевать весь мир. А еще они воюют с нашими союзниками – турками. В общем, ее величеству королеве Виктории виднее.

– Азиаты? – на этот раз пришла очередь удивиться мне. – Очень интересно! А вы знаете, что Азия начинается только на Урале? Ваши же союзники турки – вот они и есть азиаты по определению. К тому же они еще и магометане, которые безжалостно режут христиан и вешают священников прямо в христианских храмах.

– А где это – Урал? – поинтересовался лейтенант. Мои слова о расправах над

христианами, похоже, его не очень-то заинтересовали. Что не удивительно: британцы безжалостно истребляли в не столь давние времена христиан у себя под боком – в Ирландии.

– Урал, – ответил я, – это горы такие. Находятся они далеко-далеко на востоке. Дальше, чем отсюда до Лондона. Намного дальше.

– Не знаю. Ее величеству виднее. – Похоже, что лейтенанту уже наскучил наш разговор. – Если она начала эту войну, значит, у нее были на это веские причины.

– Спасибо, лейтенант, за беседу, – я решил закончить наш разговор. – Надеюсь, что вы в самое ближайшее время вернетесь на родину.

– Вы полагаете, что меня обменяют на пленных русских? – поинтересовался британец.

– Думаю, – ответил я, – что после поражения Британии вас будет незачем держать в плену. А в том, что флот адмирала Непира на Балтике скоро будет разбит, я ничуть не сомневаюсь.

14 (2) августа 1854 года.

Борт десантного катера «Денис Давыдов».

Командир катера старший мичман

Максимов Глеб Викторович

Еще на берегу я чувствовал, что этот выход в море не обойдется без приключений. Уж больно все было наспех проделано, как говорит один мой знакомый, в темпе «держи вора».

В общем, выдернули меня вчера в штаб бригады, и на тебе – приказ срочно подготовиться к выходу и заправиться. Сначала надо было зайти в Парусное. Там у нас базируются 561-й ОМРП СпН, ну, а говоря проще – боевые пловцы. Потом загрузиться их причиндалами, взять на борт группу и на полном ходу с утра отправиться на randevu с БДК «Королев». Он вышел из Кронштадта и направляется куда-то в Атлантику. Куда и зачем – это не моего ума дело. Моя задача – встретиться с БДК, перегрузить на него «парусников» – так у нас называли ребят из 561-го ОМРП – и шлепать назад, к себе, в бригаду. Понятно, что подводных диверсантов так просто с места не срываю и за бугор так спешно не посылают. Видимо, их ждет работа, о которой в прессе обычно не пишут. Ну, а мне совать нос не в свое дело тем более ни к чему.

Поначалу все шло хорошо. Группу взяли, погрузили на борт все их прибамбасы (какие-то ящики, коробки, даже три «сирены» – подводные буксировщики для боевых пловцов). Похоже, что ребят ожидает веселая командировка.

Я руководил погрузкой, распахивал груз по углам, крепил его, чтобы во время движения ящики не летали по всей палубе. Она ведь у меня вместительная – если что, то я могу взять на борт аж три танка или пять бэтээров. Можно сказать, что в этот раз мы пойдем налегке.

Потом мы вышли в море. Видимость была хорошая, волнения практически не было, и мой «Денис Давыдов» летел, как чайка над водой. Мотористы занимались движками, я следил за приборами, время от времени выходил на палубу и беседовал там со старшим группы капитан-лейтенантом Павлом Мишиным. Он, правда, больше травил анекдоты, а о том, куда их направляют и чем они будут заниматься, не сказал ни слова. На мои расспросы отвечал кратко и односложно: «Начальству виднее...»

Мы связались с «Королевым» и уточнили место randevu. А потом все и началось.

Сперва у меня сдохли и ГЛОНАСС, и GPS. Оба сразу. Что ж, печально, но ходить по компасу я еще не разучился. Гораздо хуже было то, что куда-то пропала связь со штабом

бригады. Вот только что она была – и словно провалилась сквозь землю. Да и вообще в эфире творилось черт те что. Словно кто-то метлой вымет все радиостанции на всех диапазонах. Ни наших, ни зарубежных. В то же время наша радиостанция исправно работала.

В этом я убедился, попытавшись снова связаться с «Королевым». БДК вышел на связь и сообщил мне сногшибательную новость. Оказывается, мы провалились в прошлое. На «Королеве», видите ли, случилась такая же история со связью и ГЛОНАССом. А с учебного корабля «Смольный» сообщили вообще новость что – на «смолян» напал британский паровой фрегат, огреб от них по полной и, получив несколько снарядов, пошел ко дну.

Если верить взятым в том бою пленным, на дворе сейчас 1854 год. Уже вовсю идет Крымская война. Англичан и французов в Крыму еще нет, но на Балтике они уже резвятся: бомбардируют Свеаборг, захватывают рыбацкие лайбы и торговые суда и осадил Бомарзунд – нашу крепость на Аландских островах. Скоро полезут на Петропавловск-Камчатский, где огребут люлей и с позором уползут зализывать раны.

Перед выходом в поход я взял в библиотеке бригады книгу историка Тарле «Крымская война», и потому кое-что о том, что происходило тогда (сейчас?) знаю. Надо будет ее еще раз как следует перечитать.

Я рассказал обо всем каплею Мишину. Тот поначалу косился на меня, как на человека, у которого конкретно снесло крышу. Но когда я пригласил его в рубку и разрешил лично связаться с «Королевым», он, узнав о том, что я ничего не выдумал, покумекал чуток, а потом сказал:

– Вот что, Глеб. Давай сделаем так. Тебе дали приказ доставить меня и моих ребят на «Королев»? Приказ ведь не отменен? Значит, вперед, к нашим. Там мы и потолкуем обо всем. Думаю, что сообщая чего-нибудь придумаем. Ну, а насчет Венесуэлы, куда мы должны были идти на «Королеве», я полагаю, следует забыть. Работы нам и на Балтике будет полно.

Вот бы закатить подрывной заряд под днище британского флагмана... Как, ты говоришь, адмирал Непир тут безобразничает? Значит, этому Непиру надо кирдык устроить. А потом на Черное море сгонять.

Я ведь, дружище, из Севастополя родом. Там про Крымскую войну каждая собака знает. Сочтемся за адмиралов Корнилова, Нахимова и Истомина. И хрена лысого этим британцам и французам, а не Малахов курган. Давай, Глеб, свяжись с «Королевым», уточни координаты и гони ему навстречу!

И я погнал...

14 (2) августа 1854 года.

Борт десантного катера «Денис Давыдов»

Командир группы водолазов-разведчиков

561-й ОМРП СпН капитан-лейтенант

Мишин Павел Ильич

Нас обычно называют боевыми пловцами, но это не совсем правильно. Правильнее будет такое название – водолазы-разведчики. И хотя нас считают людьми флотскими, но подчиняемся мы ГРУ Генерального штаба. Вот список задач, которые мы можем и должны выполнять: обеспечить морские десантные операции; провести минирование кораблей противника, его военно-морских баз и пунктов базирования, а также гидротехнических

сооружений; вести поиск и уничтожение мобильных оперативно-тактических средств ядерного нападения, поиск и уничтожение объектов оперативного управления, других важных целей в прибрежной зоне; выявлять сосредоточения войск противника, других важных целей в прибрежной зоне, наводить и корректировать удары авиации и корабельной артиллерии на выявленные цели.

В общем, мы мастера на все руки. И, видимо, поэтому наше начальство решило направить группу «парусников» в далекую заморскую страну Венесуэлу. Причем о том, что мы отправляемся именно туда, сообщили только мне одному. А о том, чем мы там будем конкретно заниматься, я должен буду узнать из пакета, который мне вручат на «Королеве». Последующие указания я буду получать от своего куратора из ГРУ, который находится сейчас на БДК.

Доставить на «Королев» нашу группу, состоящую из шестнадцати человек, должен был десантный катер проекта «Дюгонь», носящий имя знаменитого гусара и партизана Дениса Давыдова. Хотя этот «карабль» с виду и казался неказистым, но бегал он быстро, да и вместимость у него была солидная. Наши три «сирены» и десятка два ящиков со всякого рода нужным для нашей деликатной работы оборудованием туда поместились запросто. Даже для моих орлов еще место осталось.

Катером командовал молодой парень, старший мичман по имени Глеб. Я видел, что он просто изнывает от любопытства и вертится вокруг меня ужом, чтобы выведать – куда лежит путь нашей группы. Но лишние знания не всегда идут на пользу. И я постарался аккуратно, чтобы не обидеть симпатичного командира ДК, разъяснить ему о том, что от многих знаний многие печали. Он, похоже, на это не обиделся. Ничего, пусть растет, делает карьеру – хотя он и старший мичман, но у него уже свой корабль. Да и экипаж имеется в наличии – правда, состоящий всего из пяти человек.

И вот смотрю я, выскакивает из рубки этот самый Глеб, а глаза у него – по девять копеек. И начинает мне рассказывать такое, что у меня у самого глаза стали как советский рубль, а челюсть отвисла до самой палубы.

В общем, по словам старшего мичмана получается, что мы сейчас находимся не в 2015 году от Рождества Христова, а в 1854 году. То есть мы, как какие-то лохи из книжных альтернативок по военной истории, оказались в далеком прошлом.

Честно скажу, поначалу я Глебу просто не поверил. На психа он не был похож, на человека, который таким способом прикалывается надо мной – тоже. К тому же над нами даже самые крутые приколисты остерегались шутить – ребята у нас сурьезные и могли не оценить юмора и уронить пару раз такого вот шутника.

В общем, отправился я вместе с командиром «Дениса Давыдова» в рубку и там сам связался с «Королевым». Мне вполне доступно объяснили, что факт перемещения во времени самый натуральный и сейчас на дворе 14 августа 1854 года. На Балтике идут военные действия, и учебный корабль «Смольный» уже в них отличился – утопил не в меру наглый британский пароходофрегат.

Ну и ну! Это выходит, что мы сейчас оказались в одном времени с адмиралами Нахимовым и Корниловым, генералами Тотлебенем и Хрулевым. Еще не было высадки французов и британцев в Крыму, не было сражения при Альме, Балаклаве и Инкермане...

Я родился в Севастополе еще при советской власти и пацаном облазил весь Малахов курган. Был много раз в «Панораме обороны Севастополя», любовался памятником затопленным кораблям, раз в месяц обязательно посещал музей Черноморского флота.

Сколько раз я мечтал оказаться в том времени и стать одним из защитников Севастополя! И вот моя мечта сбылась.

Правда, пока мы на Балтике. Но и здесь уже идет война. Нам надо двигаться к «Королеву», а то, встретясь мы с британским или французским фрегатом, нам вряд ли удастся сделать с ним то, что сделал с его собратом «Смольный» На «Денисе Давыдове» всего-то две пулеметные установки с КПВТ. Против большого корабля они вряд ли что сделают. Есть еще восемь ПЗРК «Игла», только толку от них никакого – целей для них еще нет.

Ну, как только мы доберемся до «Королева» и обустроимся, вот тогда можно будет сбацать кораблям английского адмирала Непира полную козью морду. Я даже зажмурился от удовольствия, представив, как собственноручно закатываю под киль линейного корабля с этим самым Непиром на борту подрывной заряд. Бадабум будет такой, что его и в Кронштадте услышат!

Я прикинул, сколько разных гадостей можно устроить англичанам и французам с помощью моих ребят, и у меня просто ладони зачесались от удовольствия. Не, мистеры и мусью, здесь, в этом варианте истории, вам будет конкретный облом – не на тех нарвались!

Часть 2

Серебряный рубль

14 (2) августа 1854 года. Борт БДК «Королев».
К юго-западу от острова Руссаре
Командир отряда кораблей Балтийского флота
капитан 1-го ранга Кольцов Дмитрий Николаевич

Есть такая народная примета: если с самого начала что-то не заладится, то потом уж точно все пойдет наперекосяк. Это я понял, еще когда готовился выйти из своей холостяцкой квартире и, надевая китель, вдруг заметил, что зеркало в прихожей треснуло. Потом, уже внизу, на улице, обшарив карманы брюк, обнаружил, что забыл дома свой талисман, который был со мной во всех походах еще с курсантских времен.

Этим талисманом был серебряный рубль с профилем императора Николая I. Как мне рассказывала бабушка по линии матери, сию монету вручили еще моему пра-пра-пра... В общем, далекому предку. Служил он во время Крымской войны в 10-м Финляндском линейном батальоне. Этот батальон защищал на Аландских островах крепость Бомарзунд. Когда первый набег на крепость англичан был отбит, то император Николай I наградил всех нижних чинов, вручив каждому по серебряному рублю. Вот так монета с профилем государя-императора и оказалась у моего предка. Потом она переходила от старших младшим в нашем роду, пока не оказалась у моей бабушки. А та подарила его мне «на зубок», когда я появился на свет.

Я помню, как положил этот рубль «на счастье» в карман брюк, когда мне было всего шестнадцать. В тот день я отправился подавать документы в приемную комиссию тогдашнего высшего военно-морского училища имени Фрунзе. Все экзамены я сдал на «отлично», в училище поступил, о чем не жалею до сих пор.

И вот теперь я уходил в дальний поход без этого талисмана!

Извинившись перед приехавшим за мной водителем служебной автомашины, быстро поднялся наверх, открыл дверь квартиры, подошел к комоду и положил в карман заветный рубль, ласково погладив профиль самодержца. Взглянув в треснувшее зеркало, я снова закрыл дверь... и вдруг подумал – суждено ли мне вернуться снова сюда, в свою квартиру, куда давно уже не ступала женская ножка?

Так уж получилось, что за сорок с лишним лет я так и не обзавелся семьей. Да и какая может быть семья у человека, которого судьба и начальство гоняют по всем флотам, и который месяцами находится в море, не зная, когда вернется домой. Если вернется вообще...

Вот с таким настроением я и отправился в поход к берегам далекой Венесуэлы. Надо сказать, что в этот раз мне не придется стоять на капитанском мостике в качестве «первого после Бога». Меня назначили командиром отряда, состоящего из трех кораблей. При этом вышесидящее начальство намекнуло, что по возвращении из похода мне, возможно, придется сменить погоны, и вместо трех больших звездочек у меня будет одна, но с якорьком в центре.

Задача моя в данном походе простая – довести в целости и сохранности отряд до Пуэрто-Кабельо – главной военно-морской базы Венесуэлы – или, как сейчас называют эту латиноамериканскую страну, Боливарианской Республики Венесуэла.

Еще при покойном президенте Уго Чавесе Венесуэла закупила в России немало военной

техники. Вся она была своевременно поставлена и вызвала восторг у венесуэльского генералитета.

Поставки продолжились и при сменившем Чавеса президенте Мадуро. Правда, теперь венесуэльские военные стали более разборчивыми (да и средств у них стало меньше – мировая цена на нефть упала) и выбирали из предложенного им самое «вкусное».

В Москву была прислана из Каракаса военно-техническая делегация, которая отобрала кое-что из последних новинок российского ВПК. Эти образцы на БДК «Королев» и отправили в Венесуэлу, чтобы испытать ее в местных условиях, после чего принять окончательное решение – закупать или не закупать.

Почему все это было отправлено на БДК, а не на обычном транспортном корабле? Дело в том, что наверху учли текущую политическую ситуацию, когда с гражданским транспортом могут произойти непредвиденные случайности, в результате которых груз может и не попасть к месту назначения. Ну, а напасть на военный корабль России – это маловероятно, потому что чревато большими неприятностями. Да и трюмы у БДК проекта 775 просторные. В них много чего можно запихнуть. В том числе патрульный катер проекта 03160 «Раптор» и вертолет «Ансат 2-РЦ» производства Казанского вертолетного завода. Как я слышал, на эти изделия за рубежом большой спрос.

Для охраны БДК и его груза на «Королеве» следует усиленный взвод морских пехотинцев. В кубриках для десанта разместились также технические специалисты, сопровождающие свои изделия. Члены венесуэльской военно-технической делегации, следующие на родину, решили отправиться туда по воздуху charterным рейсом.

Кроме «Королева» в Пуэрто-Кабельо шли еще два корабля: танкер «Кола» и сторожевой корабль – или, как теперь стало модным их называть, корвет проекта 20380 «Бойкий». Танкер должен был снабжать корабли топливом, а «Бойкий» – охранять БДК и танкер в походе. Впрочем, «Бойкий» был одновременно и выставочным образцом, потому что венесуэльские адмиралы, когда изучили его ТТХ, были сами не свои. Узнав, что такие корабли у нас строятся в том числе и на продажу за рубеж, они тоже захотели заказать хотя бы парочку таких красавцев.

Вышли мы из Кронштадта вполне благополучно, а вот дальше началось такое...

Для начала выяснилось, что кто-то слил информацию о нашем походе за бугор. Пресса прибалтийских «великих держав» завопила, словно уличная шалава, которую кинул клиент. Им-то что до Венесуэлы, которая расположена за десятки тысяч миль от Прибалтики?

А какие смачные заголовки были в СМИ: «Русские конкистадоры рвутся в Латинскую Америку!», «Кто остановит экспансию Путина?!». Похоже, что эту самую «экспансию» решили остановить «ма-а-а-ленькие, н-о-о-о го-о-о-рдые». Все флота прибалтов – вплоть до надувных спасательных кругов с пляжей Юрмалы и Паланги – были приведены в состояние полной боевой готовности. Они устроили игрища неподалеку от своих портов, дабы показать «всему цивилизованному миру», что «очень даже чего могут».

Не обошлось и без появления разведывательных самолетов Финляндии и Швеции над нашим отрядом. Наши соседи заинтересовались – не по их ли душу мы появились на Балтике. В общем, пришлось отдать приказ усилить бдительность и смотреть в оба.

А тут еще две телеграммы из штаба флота. Согласно первой, нам надо было встретиться с учебным судном «Смольный», следующим из Стокгольма в Хельсинки. С него нам передадут две группы тележурналистов, которые будут нас сопровождать и освещать наш поход и последующую встречу российских кораблей в Венесуэле. Сверху сказали, это нужно

для большой политики. Против подобного довода не попрешь.

Вторая телеграмма пришла не из штаба форта, а из другого ведомства. Без помпы и фанфар к нам из Балтийска вышел десантный катер «Денис Давыдов» с группой «узких специалистов широкого профиля» из ГРУ. Их тоже надо будет доставить в Венесуэлу. Правда, что именно они там будут делать, мне не сообщили. Ну и ладно – чем меньше знаешь, тем крепче спишь.

Потом случилось *это*... Ко мне в каюту (прилег немного отдохнуть) постучался донельзя взволнованный капитан 2-го ранга Сомов, командир БДК «Королев».

– Дмитрий Николаевич, связь напрочь пропала, да и ГЛОНАСС с GPS не пашут.

– А как на «Бойком» и «Коле»? – поинтересовался я, встав с койки и застегивая рубашку. – У них что, то же самое?

– И у них, и на «Смольном», – доложил Сомов. – И на танкере «Лена», который находится неподалеку. Она собралась идти в Средиземку с грузом топлива для нашей эскадры.

– Вот дела! – я озадаченно почесал голову, но не мог придумать никакого более или менее толкового объяснения произошедшему. – А с Москвой вы не пытались связаться по спутниковой связи?

– Пытались, – ответил Сомов, – результат тот же. Словно все радиостанции провалились в тартарары.

Мы бы еще долго с ним гадали на кофейной гуще, пытаюсь решить, что произошло и что нам делать дальше, если бы не помощник Алексея Ивановича, капитан 3-го ранга Николаев. Он без стука влетел в мою каюту. Кап-три был бледен, а глаза у него бегали. Словом, он вел себя так, будто секунду назад увидел самого Дэви Джонса или Кракена, вынырнувшего из морской пучины.

– То-товарищ капитан 1-го ранга, – наконец заикаясь произнес он, – тут та-такое творится! В общем, мы по-попали в прошлое!

Не сговариваясь, мы с Сомовым переглянулись, и, наверное, каждый из нас подумал об одном и том же: приплыли, бедняга спятил.

Заметив нашу реакцию, Николаев обиделся и даже перестал заикаться.

– Товарищ капитан 1-го ранга, докладываю вам, что со «Смольного» получена радиограмма. В ней говорится, что в отношении российского военного корабля совершен акт агрессии: пароходофрегат британского флота «Валорос» обстрелял учебное судно. Капитан 1-го ранга Степаненко приказал открыть ответный огонь. После нескольких попаданий «Валорос» взорвался и затонул. Взяты пленные, которые сообщили о том, что сейчас 14 августа 1854 года, а сам пароходофрегат входил в состав британской эскадры, направленной королевой Викторией на Балтику. Сейчас корабли этой эскадры высадили десант и готовятся к захвату русской крепости Бомарзунд на Аландских островах.

– А эти пленные – они ничего не придумали? – с робкой надеждой, что все же это какая-то дурная шутка, поинтересовался я. – Мало ли что бывает...

Впрочем, происходящее говорило скорее об обратном, и я начинал, наконец, понимать, что мы действительно непонятно каким образом оказались в прошлом.

– Товарищ капитан 1-го ранга, Дмитрий Николаевич, – снова заговорил замолчавший было Николаев, – каперанг Степаненко сообщил еще вот что.

В море, недалеко от места потопления британского пароходофрегата, была обнаружена рыбацкая лайба, в которой находились два человека. Один из них назвался ротмистром

Шеншиным – личным посланцем императора Николая I. Он следовал из Бомарзунда в Санкт-Петербург для того, чтобы доложить императору о положении дел в крепости.

– Этого нам только не хватало, – упавшим голосом произнес я. – Впрочем... Геннадий Данилович, – обратился я к кавторангу Николаеву, – передайте на «Смольный» – ротмистра Шеншина срочно доставить сюда. А радисты пусть тщательно прочешут эфир – может быть еще кто-то вместе с нами оказался в XIX веке?

14 августа 1854 года, вечер.

К юго-западу от острова Руссаре.

Кают-компания БДК «Королев»

Командир отряда кораблей Балтийского флота

капитан 1-го ранга Кольцов Дмитрий Николаевич

За большим столом в ярко освещенной кают-компании передо мной сидели командиры кораблей, неожиданно оказавшихся в прошлом, старшие групп морской пехоты и офицеры ФСБ и ГРУ. Я внимательно смотрел на них. Удивление, даже волнение – но никаких следов растерянности или паники. Молодцы, ребята.

На правах старшего по должности я открыл совещание:

– Товарищи офицеры! Давайте подведем итоги и посмотрим, что же у нас такое случилось. В сухом остатке на сегодняшний день мы можем констатировать следующее.

По непонятной причине, о которой мы можем только догадываться, нас занесло ровно на сто шестьдесят один год назад. Хочу отметить, что, насколько мне известно, кроме нас, никого из XXI века здесь больше нет. Военные и торговые корабли других государств не переместились во времени, хотя они и находились неподалеку. Почему так – остается только гадать.

Во всяком случае, точно установлено, что отряд кораблей Балтийского флота Российской Федерации, оказавшийся в прошлом, состоит из сторожевого корабля «Бойкий», БДК «Королев», учебного корабля «Смольный», МДК «Мордовия», ДК «Денис Давыдов», танкеров «Кола» и «Лена», а также корабля погранохраны ФСБ «Выборг».

Мы попали на Балтику, где уже идут боевые действия. Эскадра англо-французских интервентов обстреливает города и крепости Российской империи на побережье Балтийского моря, а на Аландских островах высадился вражеский десант, который готовится к захвату русской крепости Бомарзунд. На Черном море, после разгрома турецкого флота в Синопской бухте, пока временное затишье. В Крыму интервентов еще нет. Пока нет...

Что же делать нам в этой ситуации? Для принятия решения я бы хотел выслушать всех здесь присутствующих. Хочу только напомнить, что мы присягали России, и сейчас она, хотя и носящая название Российской империи, а не Российской Федерации, ведет неравную борьбу с англичанами, французами и турками. Причем совсем недалеко от нас.

– Вон, Олег Дмитриевич, – я кивнул командиру «Смольного» капитану 1-го ранга Степаненко, – так тот уже открыл свой персональный счет – утопил британский пароходофрегат. Правда, лаймиз сами искали приключений на свою задницу. И нашли их. Олег Дмитриевич, ваши артиллеристы, наверное, уже нарисовали одну звездочку на артиллерийской башне?

Каперанг Степаненко кивнул, а я продолжил:

– Согласно принятой в русской армии и флоте традиции, я предлагаю высказаться всем.

Давайте, Глеб Викторович, – я сделал приглашающий жест в сторону командира десантного катера «Денис Давыдов», старшего мичмана Максимова. – Первыми выскажутся самые младшие по званию.

– Товарищи офицеры, – сказал командир ДК, – я полагаю, что тут особо и говорить не о чем. Неужели мы бросим своих в беде? Надо выручать Бомарзунд, а потом гнать с Балтики все это НАТО... Товарищ капитан 1-го ранга, – обратился он ко мне, – я думаю, что все присутствующие согласятся со мной. Иного мнения просто быть не может.

Старший мичман сел, а офицеры одобрительно зашумели и закивали. В общем, было действительно все понятно. Но для проформы я дал слово всем командирам кораблей. Они согласились с тем, что сказал командир «Дениса Давыдова».

Потом я посмотрел на внимательно наблюдавших за происходящим морпехов. Мое внимание привлек командир разведроты с «Мордовии» капитан Сан-Хуан. Мне раньше не доводилось с ним встречаться, хотя такая редкая фамилия была у многих на слуху. Я ожидал увидеть маленького темноволосого испанца, но Сан-Хуан оказался широкоплечим, светловолосым гигантом с голубыми глазами. Как я узнал позже, среди его предков были и баски, и шведы. Он встал и просто, без изысков, произнес:

– Товарищ капитан 1-го ранга, моя рота готова выполнить ваш приказ. Россия – наша мать, а мать надо защищать, когда и где бы мы ни находились.

Взводный из 313-го отряда СпН и командир группы водолазов-разведчиков 561-го ОМПР СпН кивнули в знак согласия с капитаном Сан-Хуаном.

Майор ФСБ Игорь Смирнов и подполковник ГРУ Андрей Березин, следовавшие на «Королеве» в Венесуэлу, речи толкать не стали, лишь лаконично заявили, что и они будут с нами.

И я решил подвести итог.

– Тогда, товарищи офицеры, я приказываю готовиться к разгрому британского флота и французского экспедиционного корпуса у Бомарзунда, а также сил союзников. Но нам необходима координация действий с нынешним руководством Российской империи. То есть с императором Николаем I.

В среднесрочной перспективе – мы должны оказать помощь Черноморскому флоту и русским войскам в Крыму. Флот англичан и французов в данный момент находится в Варне, где экипажи кораблей и войска экспедиционного корпуса несут огромные потери от эпидемии холеры. Впрочем, о помощи нашим на юге давайте поговорим чуть позже. Пока нам и на Балтике хватит работы.

– Виктор Степанович, – обратился я к командиру сторожевого корабля «Бойкий» капитану 2-го ранга Егорову, – прикажите выслать ваш вертолет для разведки к Бомарзунду. А потом – к стоянке англо-французского флота у острова Мякилуото. Надо сверить информацию из нашей истории и то, что рассказал нам пленный британец – лейтенант Джонсон.

По предварительным данным, у Бомарзунда в данный момент находится двадцать четыре вражеских корабля, а в составе французского десантного корпуса – примерно двенадцать тысяч человек.

Данные об англо-французском флоте, находящемся у Мякилуото и блокирующем Свеаборг и Кронштадт, пока у нас отсутствуют. Известно только, что королева Виктория и император Наполеон III направили на Балтику примерно сорок боевых кораблей (практически все они паровые). А вот из сухопутных сил – лишь двенадцатитысячный

французский отряд под командованием генерала Барагэ д'Илье.

Кроме того, нужно как можно скорее доставить ротмистра Шеншина в Петербург. Предлагаю это сделать с помощью десантного катера «Денис Давыдов».

Неожиданно дверь в кают-компанию отворилась. Вошел вахтенный офицер, держа в руках какую-то бумагу. Он обратился ко мне:

– Товарищ капитан 1-го ранга, получена радиограмма с танкера «Михаил Ульянов». Он следует из Приморска в Роттердам и находится в тридцати милях к югу от нас. Капитан танкера вышел на аварийных частотах и сообщил, что его преследует неизвестный парусно-паровой военный корабль под британским флагом. И не просто преследует, а ведет по танкеру огонь из орудий. Капитан просит помощи... Вот, почитайте сами.

И вахтенный протянул мне текст радиограммы.

Все ясно, подумал я, британцы продолжают хулиганить. А танкер нам был бы весьма кстати.

– Николай Михайлович, – обратился я к командиру ПСКР «Выборг» капитану 3-го ранга Борисову, – отправляйтесь на выручку «Михаилу Ульянову». А то ведь эти английские придурки могут запросто его поджечь. А на нем нефтепродукты, которые нам очень нужны. Кстати, а какой дедвейт у этого танкера?

– Он может взять до семидесяти тысяч тонн нефтепродуктов, товарищ капитан 1-го ранга, – ответил мне Борисов, – жаль будет потерять столько горючки. У него скорость – до шестнадцати узлов, только британцы могут запросто вкатить в него бомбу или ядро – цель-то огромная. Я немедленно выхожу на помощь «Михаилу Ульянову». А что с британцами-то делать – топить их или просто отпугнуть?

– Топите, – я решил больше не церемониться с интервентами, – ведь мы их сюда не звали, так что нечего жалеть. Жду вашего доклада, Николай Борисович. И желаю вам удачи.

14 августа 1854 года. Балтика.

Борт танкера «Михаил Ульянов»

Капитан Коваль Василий Васильевич

До сегодняшнего дня у нас все шло как обычно. Зашли в Приморск и загрузились там до упора светлыми и темными нефтепродуктами. Часть из них мы должны были сбросить в Роттердаме, а с остальными отправиться на Север, в Мурманск, где в Белокаменке сгрузить все. В общем, никаких особых трудностей не предвиделось.

А сегодня и началось все *это*. Где-то на траверзе Хельсинки у нас для начала вырубился ГЛОНАСС и GPS. Начисто, словно их никогда и не было. Потом накрылась радиосвязь. Спутниковая связь, кстати, тоже. Из кают-компаний, ворча и чертыхаясь, выползли недовольные моряки, свободные от вахты – куда-то пропали все программы телевидения. Короче, оказались мы начисто отрезаны от всех благ цивилизации.

Но скучать не пришлось. Ближе к вечеру на экране радиолокатора было обнаружено судно, идущее нам навстречу. Вскоре его можно было уже разглядеть в бинокль. Увиденное меня весьма удивило. Протерев глаза и убедившись, что мне не мерещится, я вызвал на мостик своего старпома Лешу Сорокина и предложил ему посмотреть на это чудо. Тот глянул в бинокль и выругался.

– Васильич, – сказал он, – не нравится мне все это. Какое-то антикварное судно – под парусами, да еще и с гребными колесами. Как пить дать, это ушлепки из «Гринпис». Они

обождают такие вот маскарады. Если их моторки попытаются к нам приблизиться, гони их всех в задницу. Они или к борту пришпандорят какую-нибудь тряпку, или распишут его всякой гадостью. Потом замаешься закрашивать их мазню.

– А мы-то им с какого перепугу? – удивился я. – Вроде танкер – не нефтяная платформа и не судно с ядерными отходами...

– Им заплатят – они будут хоть на банановоз кидаться, – философски заметил Леха. – Васильич, все в этом мире продается и покупается. Даже борьба за экологию.

Пока мы с ним беседовали, смешной кораблик подошел поближе. С удивлением я увидел в бинокль британский военный флаг на его мачте, а на корме название: «Merlin».

– Еще сэра Ланселота здесь не хватает, – проворчал Леха. – Пусть катится ко всем чертям. Нам ты абсолютно не интересен.

Но как оказалось, этому самому «Мерлину» были интересны мы. Точнее, наш танкер. Борт кораблика окутало облачко дыма, а через несколько секунд до нас докатился звук выстрела. Я с удивлением увидел, как кабельтовых в трех от нашего борта в воду плюхнулось... ядро.

– Васильич, да они что, совсем рехнулись?! – воскликнул Леха, добавив к сказанному несколько крепких словечек. – Ведь мы горючкой набиты под завязку. Случись чего – вознесемся мы прямо к Господу, аки ангелы небесные.

– Полный вперед, – скомандовал я, – надо от этого прикурка держаться подальше.

Но скорость такая махина, как наш танкер, набирала медленно. За это время «Мерлин» еще раз выпалил из носовой пушки в нашу сторону. Правда, ядра его ложились с недолетом. Но парни, которые находились на борту этого кораблика, похоже, были упрямы, как сто ишаков. Из его трубы повалил густой дым, и он прибавил ходу. Но наши пятнадцать узлов ему вытянуть, похоже, не удавалось. Видимо, у него действительно стояли паровые машины. Но он продолжал шлепать вслед за нами, время от времени постреливая из пушки в нашу сторону.

– Слушай, Васильич, – сказал мне Леха, – а вдруг их несколько? Один, понимаешь, за нами гонится, а второй стоит в засаде. Потом зажмут нас в клещи, и тогда нам настанет полный кирдык.

– А как там со связью? – поинтересовался я, не отрываясь от бинокля. – Все так же – молчание?

– Ни одной радиостанции не слышно, – виновато развел руками Леха, будто он был персонально виноват в случившемся. – Я приказал выйти в эфир на аварийных частотах. Дадим сигнал бедствия. Может, кто и услышит...

Леха оказался прав. На частотах, предназначенных для передачи сигнала бедствия, на связь вышел десантный корабль «Королев». И сообщил нам такое, от чего у меня на голове остатки волос встали дыбом. Оказывается, мы находимся не в XXI веке, а в XIX! И попали в 1854 год, когда Россия воюет с вражеской коалицией, состоящей из Турции, Англии и Франции.

И этот «Мерлин», который пристал к нам, как банный лист к сидалищу, оказывается, боевой корабль из эскадры британского адмирала Непира. Учебный корабль Балтфлота «Смольный» уже столкнулся с таким вот военно-морским антиквариатом и ухайдакал его, когда тот вот так же, как этот «Мерлин», попытался повоевать со «Смольным».

В общем, с «Королева» нам передали, что на выручку «Михаилу Ульянову» направлен пограничный сторожевой корабль «Выборг». Он сумеет обломать британского нахала и

научить его приличным манерам. А потом пограницы отконвоируют наш танкер к точке randevu – неподалеку от Аландских островов. Там мы будем в полной безопасности. Да и спешить нам теперь вроде некуда – в нынешнем Роттердаме нет еще нефтяного терминала, а сама нефть мало кому нужна – если только для смазки осей тамошних карет и дилижансов.

Переговорив с «Королевым», мы стали ждать подмоги. И даже немного сбавили ход – все равно «Мерлину», если верить справочникам, не выжать более десяти узлов. Англичане же, увидев, что расстояние между нами перестало увеличиваться, воспряли духом и даже немного прибавили ходу.

Так продолжалось еще около часа. Наконец, мне сообщили, что на экране локатора появилась отметка корабля, движущегося в нашу сторону. Отметка приближалась довольно быстро, из чего я сделал вывод, что это «Выборг», направленный нам на помощь.

Так оно и оказалось. Ну, а дальше все было делом техники. С запредельной для британцев дистанции – около трех миль – «Выборг» первый же снаряд уложил на палубу «Мерлина». Да так удачно, что британский кораблик тут же сбавил ход и окутался паром. Следующий снаряд разбил кожух гребного колеса. Англичанин закрутился на месте, а потом лег в дрейф и выбросил белый флаг. С «Выборга» спустили моторный баркас, в который погрузилась призовая партия.

Наши спасители тем временем связались с нами по радиостанции.

– Привет, ульяновцы, – из динамика раздался веселый мужской голос. – Как вы там – живы, здоровы?

– Живы, живы, – ответил Лешка. – Что бы мы делали без вас? Только британцы эти вряд ли бы нас догнали – уж очень тихоходное у них корыто. Хотя палили они по нам отчаянно. Запросто могли залепить, поганцы, шальным ядром. А у нас ведь полные танки.

– Сейчас мы англичан разоружим, возьмем их пароходик на буксир и отправимся к нашему флагману, – передали нам с «Выборга». – Ну, и вас сопроводим до кучи.

– Добро, – сказал Леха, увидев, что я утвердительно кивнул, – то-то радости будет – целый танкер горючего притащите, да еще трофей в придачу.

14 августа 1854 года, вечер.

К юго-западу от острова Руссаре.

Кают-компания БДК «Королев»

Командир отряда кораблей Балтийского флота

капитан 1-го ранга Кольцов Дмитрий Николаевич

Капитан 3-го ранга Борисов отправился на выручку «Михаилу Ульянову», за которым гнался упрямый британец, а мы в его отсутствие продолжили совещание.

– На чем мы остановились? – уточнил я. – Ага, на доставке в Петербург нашего делегата связи вместе с ротмистром Шеншиным. Кого персонально направим, это мы решим с Андреем Борисовичем, – я кивнул на подполковника ГРУ Березина, – а вот на чем доставить... Надо это сделать быстро и незаметно. Потому большие корабли отпадают.

– Разрешите, товарищ капитан 1-го ранга? – поднял руку старший мичман Максимов. – Может быть, вы пошлете в Петербург мой «Денис Давыдов»? Скорость у него подходящая, и он может доставить не только ротмистра и делегата связи, но и БТР на берег с экипажем. Ведь не пешком же им добираться до Петербурга. Да и с точки зрения безопасности стоит обеспечить их надежным эскортом.

Выгрузиться же можно где-нибудь неподалеку от Питера, скажем, в Копорском заливе. Это будет в тылу блокадных сил англо-французов. А оттуда рукой подать до Ораниенбаума. Я читал у историка Тарле, что император Николай I чуть ли не каждый день приезжал в Петергоф или на Красную горку, чтобы посмотреть на вражеский флот.

Что ж, старший мичман высказал здравую мысль. Действительно, неплохо было бы отправить на рандеву с государем-императором делегатов связи и отделение морпехов на бэтээре. И, пожалуй, не на одном обычном БТР-82, а на двух. Но вторым будет БТР – командно-штабная машина.

Я вспомнил, что в трюмах «Королева» в числе прочих образцов военной техники, которую мы должны были доставить в Венесуэлу, есть одна интересная штука – Р-149 БМР «Кушетка-Б». Это командно-штабная машина на базе БТР-80. С помощью мощной радиостанции этой машины, из Питера можно связаться с нами и координировать дальнейшие боевые действия. Пусть они следуют на встречу с царем парой. К тому же трудно будет запихнуть в один БТР всю делегацию.

А старший мичман Максимов – похоже, толковый парень – тем временем продолжал развивать свою идею.

– Только вот в чем загвоздка, – рассуждал он, – горючего нам хватит только на дорогу до Копорского залива. Обратно мы сможем пройти менее одной трети пути. Следовательно, нам необходима или дозаправка, или буксир. Думаю, что танкерам лучше не соваться пока в зону боевых действий. А потому на обратном пути, в точке, назначенной для рандеву, нас возьмет на буксир один из кораблей отряда и доставит к танкеру, с которого мы и дозаправимся.

– Хорошо, – согласился я, – предложение ваше, товарищ старший мичман, толковое. Мы, скорее всего, так и поступим. Надо будет только продумать его в мелочах, и можно приступать к исполнению. А для начала вам следует перегрузить на «Королев» все имущество и вооружение группы капитан-лейтенанта Мишина.

Что же касается танкера и дозаправки...

– Кстати, – обратился я к командиру «Королева» капитану 1-го ранга Степаненко, – Олег Дмитриевич, вам ничего не докладывали о том, как обстоят дела с «Михаилом Ульяновым»? Успел ли до него добраться «Выборг», и не повредили ли бритты танкер?

– Сейчас узнаю, Дмитрий Николаевич, – сказал Степаненко.

Но не успел он встать и подойти к двери, как по громкой связи с командного поста нам сообщили, что «Выборг» вовремя подоспел к обстреливаемому танкеру и, подбив вражеский пароходофрегат, заставил его спустить флаг. Сейчас они следуют к нам – танкер с горючим, а «Выборг» с боевым трофеем.

Если так и дальше пойдут дела, подумал я, то нам скоро понадобится лагерь для военнопленных. Да и кормить их всех надо. Следует побыстрее разобраться с Бомарзундом. Разобьем там вражескую эскадру и десант и сбавим всех пленных генералу Бодиско. Пусть он с ними нянчится. А нам они и даром не нужны.

– Все, товарищи, – сказал я, – наше совещание окончено. А подполковника Березина и майора Смирнова я попросил бы остаться.

14 августа 1854 года, вечер.

К юго-западу от острова Руссаре.

Кают-компания БДК «Королев»

Командир отряда кораблей Балтийского флота

Когда кают-компания опустела, я попросил Смирнова и Березина подсесть ко мне поближе. Поначалу я даже не знал, с чего начать беседу. Ситуация была несколько необычной для «рыцарей плаща и кинжала». Фактически им придется все начинать с нуля. Ведь у них здесь нет ни разветвленной агентуры, ни спутников-шпионов, ни аналитических центров, которые обрабатывали и анализировали поступающую информацию.

Но с другой стороны, у них есть возможность заглянуть в прошлое и узнать то, о чем живущие в XIX веке люди даже и не подозревают. Кроме того, к их услугам компьютеры, специальная техника, а также силовая поддержка наших «спецов». Ну, и опыт, который, как известно, не пропьешь.

— Андрей Борисович, — обратился я к подполковнику Березину, — очень бы хотелось услышать ваше мнение по поводу происходящего.

Березин улыбнулся и развел руками.

— Дмитрий Николаевич, — сказал он, — у меня самого в голове не укладывается то, чему мы стали свидетелями: XIX век, Крымская война, сражения с кораблями британцев, осада крепости Бомарзунд... Нас ведь учили совершенно другому. Боюсь, что моих знаний будет явно не достаточно для того, чтобы досконально разобраться в сложившейся обстановке. Поверьте мне, хороший историк был бы в сто раз полезней. Хотя...

Подполковник Березин вопросительно посмотрел на майора Смирнова, который сидел рядом с ним за столом и внимательно слушал наш разговор.

— Товарищ капитан 1-го ранга, — обратился ко мне майор, — я присоединяюсь к тому, что только что сказал подполковник Березин. В реалиях XIX века я разбираюсь тоже недостаточно хорошо. Может быть, стоит бросить клич — чтобы все порылись в судовых и личных библиотеках и поделились с нами на время литературой и информацией из ноутбуков о событиях, касающихся времен Крымской войны, а также лиц, живших в это время как на территории Российской империи, так и в других странах. Кто знает, вдруг нам придется иметь дело с гражданами той же Франции, или, скажем, с подданным гавайского короля Камеамеа...

— Толковое предложение, — кивнул Березин. — Только Гавайи для нас пока не актуальны. А вот настроения и обстановку в Санкт-Петербурге в августе 1854 года нам знать бы не мешало.

Вы попросили меня найти человека для отправки в Питер вместе с ротмистром Шеншиным, чтобы установить контакт с императором Николаем I. Я предлагаю послать моего заместителя — майора Копылова Ивана Викторовича. Он имеет военный опыт — на срочной воевал во Вторую чеченскую. Был ранен, награжден орденом Мужества.

А уже во время службы в нашей конторе, он неплохо погонял по горам Южной Осетии грузин во время «войны трех восьмерок». К тому же майор умен и инициативен. И еще — в свободное время он изучал историю Кавказской войны. То есть именно тот самый XIX век, в который нас угораздило попасть.

— Что ж, достойная кандидатура, — сказал я. — Думаю, что с императором Николаем Павловичем майор найдет общий язык. А вы, Игорь Николаевич, — обратился я к майору Смирнову, — кого отправите вместе с ротмистром Шеншиным? Кстати, я тут порылся в литературе и узнал, что Николай Васильевич Шеншин, вместе с которым наши люди отправятся в путь-дорогу, тоже не лыком шит. Он, можно сказать, ваш коллега. И даже не

знаю, чей именно. Или ваш, Игорь Николаевич, – в бытность адъютантом военного министра Чернышева он не раз направлялся в командировки, дабы выяснить уровень коррупции и казнокрадства некоторых высоких интендантских чинов. А перед самым началом войны Чернышев послал ротмистра в Валахию, чтобы тот своими глазами увидел и оценил степень готовности к боевым действиям расквартированных там русских войск. Или ваш, Андрей Борисович, – ротмистр несколько лет назад побывал на Балканах с одной деликатной миссией, о которой дипломаты предпочитают помалкивать.

Так что не забывайте о том, что ваши люди будут иметь дело с опытным разведчиком. Да и император вряд ли послал бы другого офицера в осажденный Бомарзунд.

– Все ясно, Дмитрий Николаевич, – сказал майор Смирнов. – Я предлагаю вместе с майором Копыловым отправить в Петербург капитана Васильева Евгения Максимовича. Боевой опыт у него, конечно, чуть поменьше – он неплохо поработал в Потти во время войны 2008 года в Абхазии, но у него на счету несколько серьезных командировок на Ближний Восток. Капитан Васильев знает несколько европейских и восточных языков, неплохо разбирается в людях. В общем, если что, он не подведет.

– Хорошо, – сказал я, – с кандидатурами наших представителей мы определились. Теперь следует подумать, о чем нам нужно будет говорить с Николаем. Впрочем, перед тем как обсудить этот вопрос, следует побеседовать с ротмистром Шеншиным. А уже с учетом того, что мы узнаем от него, мы и будем строить наши дальнейшие планы...

14 августа 1854 года. Борт БДК «Королев»
Командир отряда кораблей Балтийского флота
капитан 1-го ранга Кольцов Дмитрий Николаевич

В ожидании ротмистра Шеншина я еще раз перечитал справку, в которой в основных чертах излагалась биография человека, который станет своего рода мостом между нами и императором Николаем I.

Итак, что мы имеем? Шеншин Николай Васильевич. Родился в Петербурге в 1827 году. Значит, на сей момент ему двадцать семь лет. Отец – Василий Никанорович Шеншин, генерал-адъютант, герой сражения под Лейпцигом в 1813 году. В 1814 году, при входе русских войск в Париж, он был назначен императором Александром I комендантом французской столицы. Портрет генерала Шеншина среди прочих находится в «Галерее 1812 года» в Зимнем дворце.

Его сын, Николай Васильевич, был крещен в дворцовой церкви, а восприемниками Шеншина-младшего стали сам император Николай Павлович и его супруга Мария Федоровна. Так, значит, наш ротмистр – крестник самого царя! Любопытно...

Закончил Пажеский корпус и оттуда был выпущен корнетом в лейб-гвардии гусарский полк. Что же Николай Васильевич поскромничал, когда назвался просто ротмистром? Ведь гвардейский ротмистр равен обычному армейскому подполковнику, или флотскому капитану 2-го ранга.

Похоже, что Николай Васильевич не просто отменный служака, но и человек, которому не чуждо прекрасное. Он дружен с Самариным и Хомяковым – известными славянофилами. Ну, про то, что Шеншин выполнял секретные поручения военного министра Чернышева и самого императора, мне уже известно.

Ротмистр в 1850 году женился на внучке бывшего Курляндского генерал-губернатора,

действительного статского советника Николая Ивановича Арсентьева – девице Евгении Сергеевне. Сейчас ей двадцать один год. Детей пока нет.

После двукратного вояжа в Бомарзунд в нашей истории Николай Васильевич был пожалован во флигель-адъютанты и стал порученцем императора Николая I. Он трижды ездил в осажденный Севастополь для того, чтобы своими глазами увидеть происходящее и без прикрас доложить царю. Николай Васильевич дослужился до чина полковника гвардии, продолжал выполнять не менее деликатные поручения уже нового императора Александра II, но не намного пережил своего крестного отца – летом 1858 года он сильно простудился и умер в возрасте тридцати двух лет.

Кстати, Николай Васильевич был родственником известному русскому поэту Афанасию Фету (Шеншину).

Я закончил изучение биографии ротмистра и положил листок на стол. В этот момент в дверь постучали, и в кают-компанию вошел сам Николай Васильевич.

– Добрый вечер, господин капитан 1-го ранга, – приветствовал он меня. – Мне передали, что вы желаете со мной побеседовать. Это так?

– Именно так, господин ротмистр, – ответил я. – Присаживайтесь. – Я указал рукой на кресло, стоявшее в углу кают-компаний. – И для начала я прошу вас не обращать внимания на чины и звания и общаться со мной по имени и отчеству. Меня зовут Дмитрием Николаевичем, фамилия же моя – Кольцов.

– Хорошо, Дмитрий Николаевич, – согласился Шеншин. – Я весь во внимании.

– Вы – умный человек, Николай Васильевич, – сказал я. – И вы уже, наверное, заметили, что мы и наши корабли сильно отличаемся от тех кораблей и морских служителей, которые вам хорошо знакомы.

– Да, Дмитрий Николаевич, я это заметил. И просто теряюсь в догадках, куда я попал и с кем имею дело, – ответил Шеншин. – Может быть, вы раскроете эту тайну?

– Хорошо, Николай Васильевич. – Я встал и прошелся по кают-компаний. – Тайна нашего появления в вашем мире нам и самим до конца не понятна...

– В нашем мире? – удивленно поднял брови Шеншин. – Значит, вы...

– Именно так, Николай Васильевич, – сказал я, внимательно наблюдая за реакцией ротмистра на мои слова. – Мы действительно не от мира сего. Отряд кораблей, над которым я принял командование, находился в море 14 августа 2015 года неподалеку от полуострова Ханко – в вашем времени его называют Гангутом.

Заметив удивление, мелькнувшее в глазах ротмистра, я повторил:

– Да-да, именно 14 августа 2015 года. То есть мы попали в ваш мир из будущего. Как это произошло и по чьей воле – мы не знаем. Но факт остается фактом – отряд кораблей из 2015 года находится в 1854 году, когда на Балтике идут боевые действия между Россией и союзными Англией и Францией. Эта война в нашей историей получила название Крымской.

– А почему именно Крымской?! – удивленно воскликнул Шеншин. – В Крыму пока все спокойно, корабли англичан и французов хоть и вошли в конце прошлого года в Черное море, но сейчас стоят на рейде Варны и вроде бы никуда отплывать в ближайшее время не собираются.

– Дело в том, – сказал я, – что в начале сентября этого года англичане и французы все же высадятся в Евпатории. Разбив русскую армию в сражении у реки Альма, войска союзников осадят Севастополь...

– Не может такого быть! – воскликнул ротмистр. – По-вашему, Черноморский флот позволит врагу высадиться в Крыму, а русская армия потерпит поражение от англичан и французов?! Это просто невероятно!

– К сожалению, в нашей истории все было именно так, – ответил я. – Не буду вам рассказывать, что произошло дальше. Мы – русские люди, и готовы сделать все, чтобы произошедшее в нашей истории в вашей не повторилось. Поверьте, Николай Васильевич, у нас достаточно сил и возможностей для этого.

– Да, теперь мне все стало понятно, – задумчиво произнес ротмистр. – Ваши корабли движутся без парусов с огромной скоростью, они могут вести огонь из орудий на большие расстояния с удивительной точностью. Да и многие другие странные и непонятные вещи...

– Николай Васильевич, – сказал я, – это всего лишь малая часть того, что мы можем. Но главное наше оружие – знание того, что должно произойти в будущем, потому что ваше будущее – это наше прошлое.

– Дмитрий Николаевич, – Шеншин вскочил с кресла и подошел ко мне, – мне надо срочно попасть в Петербург и доложить обо всем государю! Вы поможете мне добраться туда?

– Поможем, Николай Васильевич. Мы сами уже об этом думали. Можно доставить вас в Петербург по воздуху... – Заметив изумление на лице ротмистра, я повторил: – Да-да, именно по воздуху, аки птицы небесные. У нас есть аппараты, которые умеют летать по небу и при этом перевозить людей и грузы. Но мы боимся, что при виде подобных аппаратов, спускающихся на землю с небес, в городе может начаться паника. Поэтому мы отправим вас в Петербург по морю.

Вместе с вами на встречу с императором Николаем Павловичем отправятся несколько человек – два моих личных посланника и их охрана. Кроме того, мы отправим устройство, с помощью которого можно разговаривать с человеком, находящимся за сотни верст от Петербурга.

– Это что-то вроде телеграфа? О таких приборах писал в своей фантастической повести «4338 год» князь Владимир Федорович Одоевский.

– Можно сказать, что да, – ответил я. – Только разговор будет передаваться без помощи проводов, и можно переговариваться голосом, словно беседуете через перегородку. А князь Одоевский много чего предвосхитил из того, что есть у нас. Хотелось бы его увидеть в Петербурге. Впрочем, это будет уже после того, как мы победим англичан и французов.

– Интересно, – с удивлением произнес Шеншин. – Если это все так, то ваши люди и подобное устройство были бы очень нам полезны. Когда вы собираетесь отправить меня в Петербург?

– Это надо сделать как можно быстрее, – сказал я. – Как вы, Николай Васильевич, относитесь к ночным путешествиям?

14 августа 1854 года.

Букингемский дворец, Лондон

Александрина Виктория, королева Англии

Виктория сидела в мягком кресле в своем личном кабинете в Букингемском дворце. Перед ней на белом, инкрустированном перламутром столике лежали бумаги. Но она на них даже не смотрела. Через полчаса у нее назначена встреча с премьер-министром Джорджем

Гамильтоном-Гордоном, лордом Абердином, первым лордом Адмиралтейства баронетом сэром Джеймсом Грэмом и министром иностранных дел Джорджем Вильерсом, лордом Кларендоном.

Темой разговора, естественно, будет Восточная война, в которой Британию пока преследуют одни неудачи. Поэтому Виктория решила не приглашать на сегодняшнее совещание архитектора этой войны, Генри Джона Темпля, виконта Пальмерстона – ведь именно он сделал все, чтобы втянуть их в эту, пока столь малоуспешную войну.

Не так давно сэр Грэм пообещал Виктории, что череда неудач вот-вот закончится и будут одержаны первые победы. Вчера пришла телеграмма из Копенгагена, в которой говорилось о том, что в балтийской крепости русских Бомарзунде захвачена одна из башен, и что падение русской твердыни – всего лишь вопрос времени. А вскоре корабли флота её величества нападут на другой русский порт на далекой Камчатке. Сэр Грэм утверждает, что и там русская крепость будет захвачена за считанные дни.

Королева не раз слышала, что эта война необходима Англии, чтобы обезопасить Европу от русской угрозы. Но сама она не сразу согласилась ее начать, хотя Пальмерстон и его единомышленники давно ее уговаривали, а Флит Стрит буквально билась в истерику по поводу России.

Конечно, слишком сильная Россия – однозначно угроза Британской колониальной империи. Но Россия в этом веке всегда была другом Англии – и когда она отказалась примкнуть к Континентальной блокаде, и когда она сломала хребет Наполеону – да, это замалчивала английская пресса, выпячивая адмирала Нельсона и называя Ватерлоо единственным поражением корсиканца. Но Виктория знала, что это не так.

Да и после этого Россия вела себе вполне достойно, чего нельзя сказать о новых союзничках – ничтожестве Луи-Наполеоне и кровавом турецком султанине – Абдул-Меджиде. Весь мир содрогнулся после массовых убийств христиан в Константинополе, Миссолонги, на Хиосе... Что бы ни говорил теперешний британский посол о том, что турки теперь, дескать, стали хорошими, а русские – сущими бестиями, Виктории было понятно, что все это ложь. А вот простые англичане захлеб читали газеты, где со всеми подробностями рассказывалось о кровавом русском медведе, готовившемся растерзать своих кротких и беззащитных соседей.

Конечно, у Луи-Наполеона, этого самопровозглашенного императора, есть не одна причина точить зуб на Россию и лично на императора Николая. Тут дело не только в реванше за поражение его дяди, но и уязвленное самолюбие. Когда Луи короновался, Николай направил ему – и то с большой задержкой – поздравление, начинающееся словами «*cher ami*» – «дорогой друг», а не «*cher frère*» – «дорогой брат», что подчеркивало, что Николай его не признавал равным себе. А вот лорд Пальмерстон – на тот момент он был министром иностранных дел – немедленно послал подобострастное поздравление от имени Англии без согласования не только с королевой, но даже с премьер-министром.

Викторию, конечно, поставили перед фактом – война будет, с Англией или без нее. Да и общественное мнение под влиянием прессы требовало военного решения восточного вопроса. Вообще-то она раньше любила Россию, тем более что ее крестным отцом был покойный русский император Александр I. Ведь называли ее Александриной в его честь.

Когда-то давно, когда Виктория была еще совсем юной девицей, Лондон навел на Александра, сына нынешнего русского императора Николая. Александр и Виктория страстно полюбили друг друга. Молодой принц даже готов был отказаться от русского престола и

жениться на Виктории, став английским принцем-консортом, то есть мужем королевы. Но когда он написал об этом отцу в Петербург, тот запретил ему даже думать об этом. И Александр, со слезами на глазах распрощавшись с Викторией, вернулся в ставшую ей ненавистной Россию.

[Купить полную версию книги](#)